

МИХАИЛ БЕЛОЗЕРОВ

ВЕЛИКАЯ КАВКАЗСКАЯ СТЕНА ПРОРЫВ 2018

Враг у ворот. Фантастика ближнего боя

Михаил Белозёров

**Великая Кавказская
Стена. Прорыв 2018**

«Автор»

2013

Белозёров М. Ю.

Великая Кавказская Стена. Прорыв 2018 / М. Ю. Белозёров — «Автор», 2013 — (Враг у ворот. Фантастика ближнего боя)

Новый фантастический боевик на самую болезненную и запретную тему. Худший сценарий ближайшего будущего. Кавказ идет войной на Россию! После того, как Путина отстраняют от власти, новый "болотный" президент "сдает" РФ "западным партнерам" и "отпускает Кавказ", по примеру Израиля отгородившись от шариатских "республик" 1000-километровой стеной. Но весь опыт русской истории доказывает: никакие уступки, никакие засеки не остановят орды работоторговцев. И в 2018 году боевики прорывают Стену и при поддержке США движутся на север, вырезая по пути все живое. Как остановить это нашествие? Кто спасет Русь от нового Ига? Остались ли еще силы, способные изгнать предателей из Кремля и, не боясь открытой конфронтации с НАТО, подавить мятеж, "замочить" бандитов и вытащить страну из болота, куда завели Россию враги народа?

© Белозёров М. Ю., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Михаил Белозеров

Великая Кавказская Стена. Прорыв 2018

Любимой жене посвящается

Мы уничтожили Советский Союз, уничтожим и Россию. Шансов у вас нет никаких.
Збигнев Бжезинский

Кавказ – мягкое подбрюшье России. Потерять его – значит ввязаться в бесконечную череду мелких и больших конфликтов, которые рано или поздно приведут к Третьей мировой войне.

Глава 1

Прорыв

В пять тридцать утра лейтенант Лёва Аргаткин, сидя в состоянии комы, тупо нюхал свой пистолет марки «стриж» и, постанывая, страдал. Особенно болела голова, которая казалась налитой расплавленным свинцом. Накануне в ресторане «Канатка» они праздновали окончание полугодовой командировки и «помешали» всё подряд: и «палёнку», и коньяк, и пиво, хотя, разумеется, Лёва Аргаткин подозревал о последствиях весело проведённого времени. В общем, он облажался и теперь страдал, вспоминая, у кого можно стрельнуть таблетку «от головы». У Игоря Габелого, разумеется, потому что он дока по части медицины.

Лёва Аргаткин со всей предосторожностью, на которую был способен, поднялся со стульчака, когда в туалет влетел тридцатимиллиметровый снаряд, срикошетил от кафеля и оставил в двери огромную дыру. Лёва как стоял, так и сел, полагая, что у него оторвало голову. Только после этого он услышал бешеную стрельбу, которую принимал за шум в ушах. Боль мгновенно прошла. Лёва подтянул штаны и побежал к командиру группы. «Ура тараканам! – по привычке твердил он. – Ура!!!»

«Ду-ду-ду-ду-ду...» – била автоматическая пушка БТРа, «трук-трук-трук» – как сороки, трещали АКМы, «тр-р-рум-м... тр-р-рум-м... тр-р-рум-м...» – строчили ручные пулемёты, и гильзы сыпались как горох. Иногда к хору присоединялся шипящий звук, заканчивающийся громким и крайне неприятным звуком: «Бум!» – рвались гранаты РПГ-7¹, и тогда здание гостиницы заметно содрогалось.

– Да ты ранен! – заметил Игорь Габелый мимоходом, стоя на колене и набивая магазин патронами под свой АК-109.

Он один в отряде любил такое оружие и считал, что в городе оно эффективнее, чем «калаш» под патрон калибра пять целых и сорок пять сотых миллиметра. Рядом валялся вскрытый цинк и тапочки: Игорь был босым и в одних трусах.

– Где? – схватился за ухо Лёва и увидел кровь.

Должно быть, стеклом, сообразил он и тут же забыл о своей царапине, потому что в окно ударила очередь, и он упал и пополз назад в свой номер за автоматом. Ему тут же отдавили руку и три раза наступили на уши. Казалось, что стреляют со всех сторон и во все окна и двери, а за каждым углом притаилось по духу. По коридору, который вмиг наполнился дымом и пылью, туда-сюда сновали полуодетые люди, и самое главное, что все дико матерились или просто

---

¹ РПГ-7 – ручной противотанковый гранатомёт.

истошно кричали, ища своих. В последующие дни Лёва получил столько ушибов и ранений, что о том своём первом ранении забыл, и только тонкий белый шрам под левым ухом, там где плохо росла щетина, напоминал ему о штурме Пятигорска.

Из соседней комнаты высунулся капитан Олег Вепрев и, кисло морщась, словно объелся лимона, диким голосом заорал:

– К окнам, сукины дети! К окнам!

Он имел репутацию человека, которому нечего терять, и его боялись.

– Откуда?! – растерянно вопрошал Лёва Аргаткин пробегающих мимо людей. – Откуда?..

Но никто ему не ответил. В спешке он кое-как оделся, напялил «бронник», «разгрузку» и схватил автомат. И только после этого пришёл в себя, хотя до сих пор не мог сообразить, как получилось, что здесь, в тылу, за пятнадцать километров от границы, которую охраняли не хуже, чем Берлинскую стену, оказались боевики. Впрочем, вопрос был чисто риторическим: всё же Лёва Аргаткин считал себя военным человеком, привычным к войне, к её неожиданностям, хотя это была его по-настоящему первая командировка на Кавказ и теряться ему было как бы не к лицу. К счастью, со стороны административного комплекса ещё не стреляли, и в окна, в которых стёкла ещё были целы, беззаботно заглядывала плоская верхушка ливанского кедра. За ним блестели влажные крыши телестудии и универмага. Там в клочьях тумана бегали какие-то люди, и Аргаткин понял, что это и есть бесноватые моджахеды, которых он обычно видел по ту сторону границы. Но теперь они были совсем близко, и над спинами у них торчали гранатомёты. Благо, что гостиница была огромной, и чтобы её развалить, нужны были не эти самые гранатомёты, а танки или пушки.

Лёва Аргаткин собрался было уже прищучить наглецов, но в этот момент в номер ввалился старший прапорщик Герман Орлов, обвешанный, как ёлка игрушками, и «шмелями-м», и гранатомётами, большой, просто огромный, как всегда одухотворенный, когда дело доходило до стрельбы, и заорал, словно на параде:

– Погнали на первый этаж, а то если даги его захватят, они нас здесь поджарят, как на сковородке. Гы-гы-гы!!!

– Сейчас! – с облегчением ответил Лёва Аргаткин, догадался схватить бутылку с водой, и они побежали, перепрыгивая через три ступени.

Герман Орлов по привычке ворчал:

– Трофимовщина, видите ли, им не нравилась. А что сейчас, лучше? Довели народ! За полтора года фукнули страну на ветер! Тоже надо уметь! Политики хреновы! Нет! Ты-то за кого голосовал?.. За кого, спрашиваю?!

– Что ты ко мне пристал?! – обозлился Лёва Аргаткин, который слышал эти разговоры сотни раз. – Я человек подневольный, сказали голосовать за Спиридонова, я и проголосовал.

– Ёпст! За Мишку, что ли?! – удивился Герман Орлов и картинно посмотрел на Лёву Аргаткина, словно увидел его впервые. – Да я за этого урода даже за упокой свечку не поставлю! – убеждённо поведал Герман Орлов, выпучив глаза. – Веришь мне или нет?!

Его голос, похожий на рык, помноженный на быкоподобную внешность, неизменно производил на Лёву Аргаткина одно и то же впечатление: он побаивался Орлова, как можно побаиваться зимнего шторма на Баренцевом море.

– Верю, верю, – согласился Лёва Аргаткин, лишь бы Орлов, для которого политика была даже больной темой, от него отстал.

– Мне всякие ползучие гады не нравятся. Гы-гы-гы!!!

– А мне квартиру ещё надо получить, – огрызнулся Лёва Аргаткин, который если и любил зубоскальничать, то не так громко и в основном с красивыми женщинами.

Левый глаз у него был травмирован ещё в учебке под Будённовском, и кожа вокруг него походила на жёваный пергамент, от этого казалось, что Лёва Аргаткин не от мира сего – всё время о чём-то тяжело думает, а на самом деле он вспоминал жену, детей, родной город Мур-

манск и мечтал побыстрее вернуться домой, чтобы насладиться семьёй и морской рыбалкой, до которой был весьма охоч.

– А мне до лампочки! Ёпст! Как жил в коммуналке, так и подохну в ней. Коммуналку-то не отнимут? – съехидничал Герман Орлов.

Герман Орлов чуть-чуть кривил душой: коммуналка в Питере у него была просто огромная, аж сорок два квадратных метра, в центре, на улице Фурштатской, в двух минутах ленивой ходьбы от метро «Чернышевская». Посему он ни за какие деньги не желал никуда переезжать. Однако коммуналка – это пережиток коммунистического прошлого, искореняемый властями со всей очевидностью, на которую они были способны. Так что в скором времени Герману Орлову светила либо новая, но маленькая «двушка» в любом на выбор спальном районе, либо такая же шикарная, но всё-таки старая на его родной улице Фурштатской – как карты лягут, вот он и нервничал, полагая, что государство, как всегда, обманет и не покривится.

– Не отнимут, – кисло согласился Лёва Аргаткин, – а мне квартира нужна. Верка третьего ждёт.

– Фиг ты её теперь получишь, – почти враждебным тоном сообщил Герман Орлов. – Или где-нибудь на Сахалине предложат, когда турнут под зад коленкой.

Под ногами скрипело стекло и крошилась штукатурка. Пули «тук-тук» бились о стены. На прилетающие издали гранаты оба не обращали внимания, потому что если уж она попадёт, то попадёт, не отвертишься, но опять же, это явление относилось к разряду редких, стало быть, можно было не особенно беспокоиться.

– Это точно, – покорно согласился Лёва Аргаткин, который больше смерти боялся быть уволенным в запас, потому что по-настоящему ещё и не служил. – Теперь мы все в большой жопе.

Армию и полицию за ненадобностью в очередной раз сокращали, и многие догадывались, что на гражданке делать нечего: кризис, массовая безработица, зависть по отношению к военным, которым при Трофимове платили большие деньги и бесплатно давали квартиры. Так что сводные летучие отряды спецназа – это лучшее, на что можно было рассчитывать в жизни. Вот и затыкали ими дыры то там, то здесь, и понятно было, что при таких условиях прорыв – это дело времени. А надеяться на силы ООН не приходилось по причине их лицемерия – только на себя да на русский авось.

– О! – обрадовался Герман Орлов. – Наконец слышу слово мужа. Разумеется, теперь уже всё равно. Дело сделано: армия, как всегда, отдувается. Затычка во все щели. Ёпст! Ну почему так устроен мир, почему? Ёпст! Почему нам не везёт на царей?! Ёпст!

– Я не знаю... – жалобно признался Лёва Аргаткин, на которого воинственные речи Германа Орлова неизменно производили сильное впечатление.

– А я знаю, – оглянулся Герман Орлов, – потому что какой народ, такой и царь!

Казалось, что эта истина открылась Герману Орлову впервые, потому что он замер на бегу, словно в него попала пуля, и лицо у него сделалось просветлённым.

Лёва Аргаткин был с ним согласен на все сто, но только произнёс: «Ура тараканам!» – дабы лишний раз не сотрясать воздух, к тому же Герман Орлов был даже здоров, и правда, как всегда, была на его стороне.

* * *

– Какие, к чёрту, десять тысяч?! – буйствовал майор Севостьянихин, «сидя на рации» в туалете. – Слышь, Игорь... – высунулся он, – говорят, что в общем прорвалось до десяти тысяч. А на нашем направлении конкретно – две или три! Ну не фига себе!!!

Хитрое и одновременно насмешливое лицо майора с длинным носом выражало всё то, о чём боялся думать Игорь Габелый. А думал он, что от судьбы, как от рока, не уйдёшь, даже если

очень постарайся, даже если ты очень надеешься вернуться домой не в цинковом гробу, а с женой-красавицей, устроиться где-нибудь ночным сторожем – хоть на кладбище, хоть в морге, и зажить тихо и спокойно, чтобы тебя не трогали, чтобы тобой не командовали, чтобы о тебе забыли и считали, что ты умер, в конце концов, просто исчез с лица планеты. Только дотянуться до той пенсии вряд ли получится, потому что это верных четыре года, и ещё не факт, что ты её получишь, потому что новый президент затеял реформу армии и флота, и все «старички» вызывают у него маниакальное подозрение. Помнили они, какой была армия при Владимире Трофимове, и, стало быть, их надо выкорчевывать, как гнилые пни, выжигать калёным железом и гнать в три шеи, естественно, без всякого выходного пособия. И если бы не пресловутая «стена», Игоря Габелого действительно вышибли бы к чёртовой матери на гражданку. Так что на «стену» надо было молиться, а Мишке Спиридонову низко кланяться в ноги и целовать пятки за то, что он построил её и обеспечил армейский спецназ работой на сто лет вперёд.

Игорь давно заметил, что нос у майора Севостьянихина является отличительной конструкцией на его лице. Во-первых, он был чрезвычайно подвижный, а во-вторых, все крайние эмоции начинались именно с него. А эмоций, как всегда, было чрезвычайно много: в диапазоне от свирепости, когда он, то есть нос, раздувался чуть ли не в три раза, до нежности, когда он уплощался и походил на стилет. Но нежным, естественно, Игорь его видел крайне редко – в те моменты, когда Севостьянихин читал письма из дома. В данный момент он свесился от горести больше, чем обычно, и выглядел уныло, как колодезный журавль с пустым ведром. Должно быть, он вместе со своим хозяином думал, что в жизни всё горькое, кроме мёда, но даже и мёд тот тоже горький, как полынь, а, стало быть, радоваться особенно нечему, разве что спирту, плещущемуся во фляжке, который нос почему-то очень любил нюхать.

– Не может быть, – не поверил Игорь, одновременно слушая командира и следя за окнами, из которых он периодически стрелял, целясь между соснами, где за пеленой летящего наискось тополиного пуха, как черти, мелькали бородатые фигурки с чёрными повязками на головах. – Десять тысяч – это много!

Боевики поливали из подствольных гранатомётов, и гранаты в большинстве своём не долетали, а рвались где-то на нижних этажах.

Игорь Габелый был хорошим стрелком, с отличной реакцией и с шестым чувством, которое не раз спасало ему жизнь, поэтому и любил мощное оружие, на которое можно было положиться, как на самого себя: «попал и забыл».

Пули на шестой этаж залетали под острым углом и с визгом рикошетили куда попало. За стенкой тоже стреляли, и порой оттуда слышались радостные крики Драганова и Котлярова. Вначале боя всегда так весело, а потом возбуждение сменится усталостью и апатией, и ничего не хочется делать, кроме того, как спать, спать, спать и ещё раз спать.

– Одна надежда, что уйдут в Минводы, – цинично сказал Севостьянихин, – или в Будённовск, зачем им какой-то курорт? – нос его при этом задиристо приподнялся, почти как хобот у слона, но чувствовалось, что даже он не верит словам хозяина и настроен крайне скептически, как новобранец первые три месяца в армии.

– Поживём – увидим, – ответил Игорь Габелый, меняя рожок и набивая опустевший, благо патронов было валом, целый склад под боком, поэтому при умелой обороне можно было сражаться хоть до посинения.

После того как Пятигорск стал приграничным городом, отдыхающие ездили сюда крайне редко – только сумасшедшие, и городок под Машуком, который с таким восторгом описывал Лермонтов, превратился в призрак. Так что все гостиницы и здравницы были в полном распоряжении военных и полиции. Правда, не было отопления, номера были в плесени и вода подавалась по расписанию, но зато можно было поселиться в любых апартаментах, какие душа возжелает, – хоть в суперлюксе, хоть сразу в трёх суперлюксах. Людям, привыкшим к казарменной жизни, они казались шикарными. Вряд ли ещё год назад кто-то из них мог себе позво-

лить такую роскошь, как отдохнуть на курорте, попить целебную водичку – по меркам мирного времени слишком дорогое удовольствие, тем более что содержание урезали втрое и выплачивали крайне нерегулярно, а о «боевых» и командировочных речь вообще не шла, вот и ополовинился спецназ без всяких боевых потерь. А если у тебя жена и детишки, конечно, ты будешь искать в жизни другие варианты, думал Игорь, пристегивая магазин и ни о чём хорошем больше не рассуждая, не было ничего хорошего, терпеть приходилось и ждать непонятно чего. Божену вот встретил, отдушину в жизни, пристанище, гавань, куда можно было прирулить при любом раскладе. А такое везение крайне редко. Во второй половине жизни ты это понимаешь лучше всего, думал он, вторая половина на то и дана, чтобы разобраться во всём досконально и в подробностях.

– В Минводах бригада ВДВ, – напомнил он таким тоном, будто завидовал им.

Были в той бригаде и танки, и пушки, и прочее тяжёлое вооружение. Но кто знает, как оно сработает и какие планы у начальства на случай прорыва. Последнее время Игорь начальству, которое сидело наверху, не доверял, как, впрочем, не доверяли все те, кто жил от командировки до командировки. Существовало мнение, что то начальство жирело на тех «боевых» и командировочных, что президент, когда узнает о финансовых нарушениях, поотрывает всем бошки. Но пошёл второй год его правления, а ничего не изменилось: армию распинали, как хотели, топтали, кому не лень – и иностранцы, и свои – при первом удобном случае, списывая на неё все потери и неудачи. Даже министр обороны, и тот был и.о. – временщик да ещё и баба – Клара Новикова – поговаривали, что подстилка Михаила Спиридонова. Какая уж здесь армия – тень былого величия.

– Что от той бригады осталось, – высунул нос Севостьянихин, – мои слёзы!

И действительно, силы бригады были распылены вдоль зоны ответственности. А зона та ответственности – аж сто двадцать километров «стены». Разумеется, моджахеды об этом прекрасно осведомлены и воспользовались ситуацией, у них-то разведка поставлена на высоте. Сколько тех лазутчиков ловили и не переловили, и дело не только в беженцах, которые не нашли себя на новых местах, а в ослаблении государства, низведении его до роли надсмотрщика. Кончилась политика, началась обычная реакция, похожая на развал страны. В общем, в двадцатые начались лихие девяностые, только покруче и с непредсказуемым результатом, потому что у страны не было прежнего задела в виде газа и нефти, а осталась одна эфемерная надежда в виде «современной экономики» да «новой свободы», как вещал новый президент Спиридонов. Однако все его вещания больше всего походили на заклинания. Толку от той «современной экономики», если мы всегда и везде отстаём на два, если не на три шага. Даже разваливать Россию никто задарма не собирается, вот мы и делаем это собственными руками да ещё за счёт собственного кармана, думал с горечью Игорь.

– Не может быть, чтобы нас бросили, – уверенно сказал он. – Главное, продержаться хотя бы полдня.

– Полдня! – иронично воскликнул Севостьянихин, и нос его возмущённо раздул ноздри.

Это означало, что полдня ещё хорошо, что обычно всё заканчивается гораздо быстрее, что никто шуток шутить не будет. Давно они не попадали в такую переделку, пожалуй, только в Хасавюрте два года назад, когда моджахеды пришли на равнину. Но тогда их было не десять, а всего-навсего две тысячи, и то, пока технику не подтянули да авиацию не запустили, фиг с ними справились.

Ещё вчера утром, когда отряд выводили из Залукокоаже, всё было тихо и спокойно. Ну постреливали – не без этого. Ну вели пропаганду через громкоговорители и транслировали муэдзинов со своим азаном² – свобода слова, однако ж, зафиксированная хитрожопыми американцами в «большом договоре». В семи километрах, в Юца, взяли банду из местных

---

² Азан – в исламе призыв к обязательной молитве.

дагов-ваххабитов и так по мелочам: то курьера поймают, то наркотрафик пресекут, то разогнут очередной шариатский суд, которым в очередной раз судили какого-нибудь русского бедолагу. КПП «Кавказ», названный так по одноименной трассе М29, муха не смела пролететь без ведома сил ООН. Пиндосы-миротворцы³ в гости приезжали, радостно скалясь, откормленные, как бройлеры. Так бы и своротил морду кому-нибудь, да начальство строго-настрого запретило даже коситься в их сторону, потому что официально мы союзники. Американский президент заявлял: «США – большой друг России». Только непонятно, какой смысл он вкладывал в слово «большой»: то ли старший брат, то ли надсмотрщик. Игорь под различными предложениями от таких «раутов» уваливал, а отдуваться приходилось командиру сводного отряда, майору Андрею Павловичу Севостьянихину да Герке Орлову, который, впрочем, был большим любителем халявы, и голова у него на следующий день абсолютно не болела. Бывает же у человека счастье – голова с похмелья не болит. Можно сказать, дар природы – у человека огромная, здоровая печень. Из спецназа вообще никто не хотел пить с пиндосами, чего не скажешь о «диких гусах»⁴, которые на дармовщину готовы были употреблять даже уксус. Может быть, по этой причине начальство и косилось на спецназ, как на выроdkов, не понимающих своей выгоды и политического момента. Патриотизм стал продажным, на нём можно было заработать счастливую, обеспеченную старость. Впрочем, Игорь не завидовал – каждому своё: кому-то карманы набивать, а кому-то родину защищать без пафоса и соплей.

Он вспомнил ещё одну странность: за трое суток до прорыва посты ООН по непонятной причине сократились вчетверо. Исчезли все знакомые морды, появились новые, и большинство из них были явно не европейцы, а в основном чёрные и бородатые, даже негры мелькали. Об этом тотчас сообщили в штаб группировки, однако никакой команды не поступило. Мало того, смена отряда произошла в плановом порядке под благодушные речи командира группировки, генерал-полковника Косматова Бориса Павловича, «о тесном и продуктивном сотрудничестве с силами НАТО». Игорь слушал его и не верил своим ушам. Реальность говорила совсем о другом: о лицемерии и о нахальстве американцев, и том, что они готовы хапнуть ещё и ещё, и что аппетиты у них немеренные.

– Крохи не крохи... – ответил на его сомнения Игорь, – а оставлять в тылу группировку, сам понимаешь...

– Да понимаю! – Севостьянихин в сердцах выругался. – Только какими силами воевать? Какими? Хорошо, если бы ещё ОМОН или СОБР, а эти... – он с пренебрежением посмотрел в коридор, где, как ужаленные, сновали кабинетные полицейские, которые действительно были хороши только в системе, в связке, как полицейские силы в конце концов, а для реального боя не годились.

За пять минут драки мышцы не нарастишь и воевать не научишься, даже если ты очень смелый человек. Опыт нужен, натаска до уровня инстинкта не менее двух лет. Это знали все, даже начальство, присылающее негодных людей. Чём-то ж оно думало, что-то ж оно планировало, думал Игорь. К власти пришли паркетные генералы, которые стажировались в США, которые никогда не держали в руках оружие, зато были большими теоретиками, в конце концов, им что-то внушали в академиях, в том числе и в американских, но, должно быть, они всё забыли, расслабились под помпезные речи новоиспеченного президента, мир, мол, на новом этапе, армия не нужна, всеобщее братание, штыки в землю, за граница нам поможет. Если страна не может кормить свою армию, она будет кормить чужую. Всё шло к тому.

Где-то на верхних этажах взорвалась граната, посыпались осколки, и кто-то страшно закричал. За стенкой выстрелили из огнемёта и, видать, попали, потому что тоже закричали, но радостно. Игорь был абсолютно согласен с майором: воевать некому, армия отдувается, как

³ Пиндосы – презрительная кличка военнослужащих США.

⁴ «Дикие гуси» – наёмники.

во вторую половину девяностых. «Армия – последний аргумент России при любой власти», – любил выражаться командир объединённой группы Ермаков Родион Михайлович. «Но выдюжили? – обычно пытал он подчинённых. – Выдюжили! Может, и в этот раз пронесёт?» Хотя, похоже было, что сам же не верил в свои слова: так низко страну да ещё под демагогические речи никто не нагибал.

– Связи вот со штабом нет. Эх, да чего там говорить! – сокрушённо воскликнул майор Севостьянихин. – Третий, Третий, я Пятый. Ответь. Третий, ответь Пятому. Почему молчишь?!

Номер люкс, в котором жил Севостьянихин, был большой двухместный, в спальне стояла кровать под атласным одеялом. В углу – два кожаных кресла, журнальный столик, пустой бар и плоский телевизор. Все это теперь было завалено стеклом и покрыто тонким слоем пыли и тополиного пуха, который моментально заполнил всё здание. Шторы были сорваны и на одном окне висели, как белый флаг капитуляции.

Игорь перебежал в гостиную и дал две короткие очереди по окнам трехэтажного особняка напротив, откуда вёлся пулемётный огонь. Потом отскочил к противоположному косяку и выстрелил в боевика, который внаглую вымелся на открытое место между двумя соснами и знай себе поливал из автомата, даже не удосуживаясь прицелиться, а просто навскидку. Да они обдолбанные, сообразил Игорь и вдруг догадался: чтобы сбить КПП М29, вовсе не обязательно иметь танковую роту, достаточно взорвать «стену» и пройти западнее или восточнее, и даже наплевать на минные поля: подумаешь, десяток-другой фанатиков. Арабки ещё нарожают.

Пуля, должно быть, на излёте ударила напротив, срикошетила, благо потолки высокие, и, черканув о противоположную стену, как раз над головой Игоря, вылетела в окно, разбив вдребезги телевизор.

Игорь только выругался: «Ёпэрэсэтэ!» – и присел.

Был он высокий, сутулый, жилистый и нервный, аж звенящий, глаза, как у большинства командированных, имел пронзительные и злые. За время командировки почернел от загара, а короткие русые волосы стали почти что белыми, как пушица на болоте.

– Третий, ответь Пятому! Шестой, это ты?! Слышу тебя хорошо! – так обрадованно заорал майор Севостьянихин, что его знаменитый нос воинственно раздул ноздри. – Окружены. Ведём бой. «Двухсотых» пока нет. Слышь, – снова завёлся Севостьянихин. – Сосед просит, чтобы мы ударили на Кисловодск. У него тоже «стену» взорвали. Да как я могу?! – с возмущением кричал он в трубку. – Нас обложили, как куропаток! – Ему что-то возразили на повышенных тонах, а он ответил, не стесняясь, точно так же: – Разведка плохо работает! Я пока выберусь из города, половину БТРов пожгут. Разблокируйте нас!

– Кто бы нас разблокировал! – кричали ему в ответ.

Понятно было, что требование это – слёзная просьба Киренкина Григория Борисовича, командира сводного отряда в Кисловодске. Севостьянихин снова заорал в трубку:

– А огневое прикрытие?! А разведка?! Пиндосы всё и подстроили! – бесился Севостьянихин, озадачив Киренкина сверх меры. – Ну извините, мы им верили, как родной маме. Союзники как-никак. Договоры подписывали международного значения, мать их за ногу! Обосрала Россию с головы до ног. Никому нельзя доверять, никому! Была б моя воля!..

Игорь представил, что произошло бы, будь воля Севостьянихина Андрея Павловича, и что сейчас творится в Генеральном штабе. Явно, все на ушах стоят. Докладывают главнокомандующему, новоиспечённому президенту – Михаилу Спиридонову. А тот, наверное, ждёт, что соизволят произнести США, звонит Дяде Сэму, переминаясь босыми ногами, как в приёмной – коломенская верста. А Дяде Сэму до лампочки. Пока он раскочается, нас здесь всех положат, хотя по «большому договору» американцы должны среагировать в часовой срок. Одна надежда, что из Ставрополя или Краснодара придёт помощь.

– Пропустили обрезанных на Будённовск, сволочи! – кричал в трубку Севостьянихин. Нос его, не стесняясь в выражениях, презрительно фыркал. Севостьянихин возмущался: – Десять тысяч! Это ж надо было их где-то спрятать? А нам умирать? Пиндосы всё подстроили! Нет, нет, не можем! Прорваться? Какими силами? У меня обстрелянных людей десять человек! Ага-ага. Понял. Ладно-ладно... Проведу доразведку и доложу. Прапорщика позови! – крикнул он Игорю Габелому.

– Ногинский! – высунулся в коридор Игорь. – Лёха!

Тотчас где-то рядом прекратил работать ручной пулемёт и явился Алексей Ногинский по кличке Ролик из Орла. Откуда она у него, никто не знал, а он не признавался, но на урку не тянул в хорошем смысле слова. Урку бы в спецназ не взяли. Как все боксёры-средневесы, он был лёгок и подвижен, с изувеченными ушами. Волосы имел светлые, а взгляд – обозленный, как зрачок пистолета, и очень даже деловой, который бывает только у военных людей, привыкших к опасностям и крови. Была у него ещё одна черта – чрезвычайная добросовестность. Выполнение приказа можно было даже не проверять, все знали, добросовестней Ногинского в отряде нет.

– Звал, командир?!

– Бери кого хочешь из смежников, посмотри, что делается в окрестностях, оцени возможность прорыва на Кисловодск.

Кисловодск стоял на самой границе, и если «стену» взорвали рядом с ним, то, естественно, и положение там тяжелее во сто крат, но и сил там поболее – два батальона ВДВ, танки и долговременные укрепления. Но раз просят, значит, дело там действительно дрянь.

– Есть оценить, – ответил Алексей Ногинский и исчез, как привидение, легко и бесшумно.

Смежниками были все те, кого нагнали сюда из полиции: следователи, сыскари, комендантская рота, дорожно-патрульная служба, водители, даже один завскладом, один из отдела кадров, а ещё двое из гаражных механиков, и, конечно же, те «чудаки» из ГУВД, которые приехали, словно на прогулку, за орденами. В отряде таких за глаза насмешливо называли «дикими гусями». Спирт и водку они не пили – брезговали, а предпочитали дорогой коньяк – печень берегли. В гостинице сто двадцать с лишним человек, подумал Игорь, и дай бог, если половина из них ведёт огонь. Остальные разбежались по углам и щелям, отсиживаются.

В окно снова попало несколько пуль, и номер наполнился пылью. Остатки стёкол разлетелись во все стороны. Габелый подскочил, дал три короткие очереди в сторону парка центрального военного санатория, потому что стреляли именно оттуда. И вообще было такое ощущение, что нападавшие знают, что делают, потому что два БТРа, мотаясь между домами, не давали себя подбить, а пулемётчики заняли заранее выбранные позиции. Поди теперь их всех выкури. И вдруг он вспомнил о Божене.

– Командир! – крикнул он нервно. – Я сбегая в административный корпус, помогу?..

– Зачем? Без тебя справятся, – заверил его Севостьянихин.

– Очень надо... – сказал Игорь. – Понимаешь, очень. Человек там.

– А-а-а... – вспомнил Севостьянихин. – Конечно, дело святое. Давай, – разрешил он, – одна нога там, другая здесь.

Севостьянихин давным-давно должен был получить «полковника», но то ли у старой власти руки не дошли, то ли у новой не было нужды заботиться о боевом офицере.

Был он широкий, сухопарый, с мосластыми руками, нос имел узкий, длинный и наглый, глаза – чёрные, усталые и терпеливые, какие бывают только у кадровых военных, вкусивших все прелести государственной службы.

Как же я раньше забыл о Боженке, ругал Игорь себя самыми чёрными словами. Она там, поди, извелась. Как я мог? Впрочем, когда он взглянул на часы, то понял, что бой шёл всего

двенадцать минут, а казалось – вечность, только это и извиняло его. Он заскочил к себе в номер и понёсся в административный корпус.

С Боженой Журавлёвой, или с Боженкой, как он любил её называть, у него был бурный роман. В момент близости она всегда говорила: «Убей меня нежно...» Он даже умудрился на ночь мотаться в Пятигорск, а на рассвете возвращался на построение в Залукокоаже. За шесть месяцев ни разу не залетел, но от такой жизни ещё более высох, однако был счастлив, как можно было быть счастливым на войне. «Смотри, так женишься», – предупреждали, словно сговорившись, многие. А Вепрев Олег из Казани, который был его другом, тот вообще нагло заявил: «Ты счастливчик! Я два года подряд к ней подкатывал, а она меня всё отшивала. И наши тоже от ворот поворот получали. Не фига! Верный признак, что не гулящая баба. Ждала тебя, красавца. Так что женись, не раздумывая!» А отшить Олега, по мнению Игоря, было трудно: ловкий, уверенный в себе, с морем обаяния на наглой татарской морде, он ходил при-танцовывающей походкой, поводя плечами, и все знали, что это не просто форс, а одержимость, что правая рука и левая нога у него ударные и что он даже пробился в международную лигу муай-тай, но возраст и характер сделали своё дело, тут ещё начался очередной бардак, срочно понадобилось пушечное мясо, и спортивная карьера Олега Вепрева полетела коту под хвост. Один недостаток был у Олега Вепрева – был он женат и имел кучу детей, которых любил и холил в перерывах между командировками. Так что ни о каких серьёзных отношениях, как и другие, он не помышлял, разве что, как он любил пошлить: «Разрядить обойму», но для этого существовали другие женщины, которые стояли за прилавками или продавали билеты на железнодорожном вокзале.

Игорь нашёл её там, где увидел впервые, – в медпункте радонового источника. Она легко-мысленно пряталась за стеклянный шкафчик с медикаментами и, положив руки на колени, спокойно смотрела, как со стороны общежития Пятигорской фармацевтической академии мелькают духи.

– Что ты здесь делаешь? – удивился он, нервно поглядывая в окно. – Собирайся!

Знал он. Знал, что она ждала его ещё вчера, что осталась, не пошла домой, собственно, ради него, а он, скотина, пил водку в «Канатке», горланил песни и клялся, как и все, в боевом братстве. Были у него планы забрать её с собой в Питер, однако за суетой и делами вопрос этот они обсудили вскользь, заглядывая в будущее с большой опаской, не только потому, что оба в жизни больше потеряли, чем приобрели, а потому что жизнь стала непредсказуемой и в смысле войны, и в смысле отношений, и они хотели проверить свои чувства, прежде чем решиться на что-то серьёзное и долговременное.

Сердце у Игоря мягко сжалось. Он представил, какая она хрупкая и беззащитная под этим легкомысленным халатиком, и очень пожалел, что она здесь, а не у себя за рекой на улице Льва Толстого, где у неё маленький, уютный домик и шестилетняя дочка Катя. И тут же подумал, что если духи пойдут волной, то женщин и детей не пожалеют. Так что неизвестно, где сейчас хорошо, а где плохо.

Духи, обвешанные оружием, цепочкой бежали в сторону нижнего рынка и кинотеатра «Космос». Они были прекрасной мишенью. При других обстоятельствах Игорь не упустил бы случая завалить парочку-другую, однако сейчас было не до этого.

– Я дежурила! – вскочила она, блеснув тревожно глазами.

Ну и скотина же я, обругал он сам себя, и ему опять стало стыдно.

– Ну прости меня, – сказал он, беря её за руки и заглядывая в бездонные глаза, – прости, не мог я. Не по-армейски это. Не поняли б меня.

Что я могу рассказать, подумал он, что я только и знаю, что испытываю горечь утрат за время этой войны, что у меня нет другой семьи, кроме армии и мамы, которая ждёт не дожждётся сына. Божена и так это знает, а если не знает, то чувствует как женщина. Наверное, поэтому я её и люблю.

– Я и не сержусь, – спокойно ответила она, поправляя у него воротник на форме, – что ты. Просто... ну... просто я волновалась. Как чувствовала, что что-то случится, – она кивнула на окно, за которым боевики внагую шли чуть ли не строем, и все в сторону штаба.

Что выделяло её из всех других женщин, которые попадались на его веку, так это печальные глаза. У неё были прекрасные и очень печальные глаза, вспыхивающие особым светом в темноте, а ещё на верхней губе у неё, как нарочно, была мушка. В общем, как только он увидел эти глаза и эту мушку, то потерял голову. Разумеется, он не подал вида, но долго, как партизан, таиться не мог. Ноги сами несли его в медпункт, и его медицинская карточка пухла на глазах. К тому же Божена оказалась не из тех натур, которые все семейные вопросы решали с помощью самого верного женского аргумента – истерик. А именно такая спокойная и рассудительная женщина нужна была ему. Однажды он уже обжёгся в юности, женившись на третьем курсе института на истеричке, и теперь выбирал со всей тщательностью, на которую был способен. Опыта по этой части у него совсем не было. Где ты его возьмёшь – опыт, если всё время мотаешься по командировкам, а домой возвращаешься, чтобы только отоспаться. А в этот раз, кажется, не ошибся, потому что чувствовал, что Божена, или Боженка, свой человек, с которым не нужно хитрить, юлить, выворачиваться, что она его понимает, а он понимает её. А самое главное – она знает, что такое армия. И всё равно – это была не та любовная идиллия, которую он себе представлял. Она была приправлена тем ощущением потери, которое возникает у людей, чуть-чуть упустивших своё время.

– А дочка? – спросил он и подумал, что к дочке её он ещё не привык, не успел.

– Мне позвонили час назад, соседи увезли её и маму в Краснодар. Сарафанное радио принесло. Ещё вчера здесь появились какие-то люди, которые предупреждали, что в городе будут стрелять. Вот я и отправила своих от греха подальше.

– Ну правильно, – согласился он и кивнул на её легкомысленный белый халатик и белую же шапочку. – Так не пойдёт.

– А как? – спросила она, поднимаясь на цыпочки, чтобы доверчиво поцеловать его. – Я думала, что раненные будут поступать в медпункт, – и он понял, что она нашла такое объяснение, чтобы он не задирает нос от восторга и что она не хочет признаться, что ждала его. Это тоже была их игра, которую он принимал безоговорочно, потому что, оказывается, он романтик, хотя не подозревал об этом, и любит длинные-длинные прелюдии, полные тайн и недомолвок. У них уже появились свои привычки, и он знал, что вслед за этим она вскинет на него глаза, а сердце у него мягко оборвётся и скатится куда-то в пятки, и пребудет там до скончания веков.

– Надо переодеться. У тебя есть во что?

– Есть, – ответила она.

И пока она переодевалась за ширмой, он, сидя под окном, следил, что делается снаружи, и ждал ухудшения ситуации, но им повезло. Видно, у духов были другие планы, и пока они серьёз не взялись за гостиницу «Интурист». Может, стоит прорваться? – подумал Игорь, только куда? В штаб? Поменять шило на мыло. Неизвестно, что там происходит.

– Я готова, – сказала она, выходя из-за ширмы.

Она была в джинсах и легкомысленной кофточке сиреневого цвета.

– Возьми ещё это, – сказал он, протягивая ей куртку, которую захватил в номере. – А сверху «бронник» на всякий случай, – и впервые поймал себя на том, что не просто тревожится о ней, а боится её потерять, и это тоже было новое и странное чувство для него, потому что все его предыдущие женщины демонстрировали такую эмансипацию, что не нуждались ни в какой заботе, а только в деньгах и в сексе. Он вообще впервые ощутил, что в его жизни появилось что-то новое, что-то, что было поважнее, чем армейское братство, к которому он прикипел ещё с детства, потому что был из семьи военных, в четвертом поколении служивших Родине, и где-то на генном уровне без армии прожить не мог и дня.

– Ну и отлично, – сказал он, невольно любуясь ею.

Даже в его армейской куртке, которая была ей велика на два размера, и в «броннике», который не придавал изящности, она выглядела потрясающе и даже более женственной, чем в белом халатике.

– Кепи надень, – сказал он, отдавая ей своё, – а волосы спрячь.

Волосы у неё были чёрные, густые и кольцами свисали из-под шапочки.

– Зачем? – удивилась она.

– На всякий случай, – ответил он и взял большую сумку с красным крестом сверху, – чтобы не охотились конкретно за тобой.

Медлить больше нельзя было ни минуты, потому что совсем рядом заработал крупнокалиберный пулемёт, который, должно быть, притащил неугомонный Герман Орлов, а в фойе общежития Пятигорской фармацевтической академии взорвалась граната и повалил дым. Кто-то захлебнулся собственным криком.

– погоди... – сказал он и сунул ей в руку пистолет. – Знаешь, как стрелять?

– Знаю.

Он показал, как взводится затвор и как снимается предохранитель.

– Оружие не для боя, – объяснил он, – а для того, чтобы застрелиться, если что.

– Что значит, «если что»? – спросила она, глядя на него с недоверием.

– Чтобы в плен не попасть, – сказал он, стараясь не очень-то напугать её.

Но она не испугалась.

– Я поняла, – ответила она и, похоже, впервые осознала всю ту опасность, которая грозила им.

Конечно, у неё возникла добрая сотня вопросов, и он ответил бы на них с превеликим удовольствием, но времени не было, обстоятельства складывались против них. В этот момент в медпункт ворвался шумный и большой Герман Орлов со «шмелём-м» в руках:

– Вот они, голубки! – пробасил он, направляясь к окну и распахивая его. – Ничего, что я здесь намусорю?

Они побежали, а позади хлестнул выстрел, и дверь в медпункте вылетела напроць, а вслед за дверью выскочил Герман Орлов, мотая, как пьяный, головой, а из уха у него хлестала кровь.

* * *

Когда они вернулись, ситуация изменилась. Во-первых, стреляли уже со всех сторон, а во-вторых, у боевиков появились миномёты. Правда, калибр был мелковат – не больше шести-десяти миллиметров, но этого хватало, чтобы вести огонь издали.

И сразу все те бойцы, которые закрепились на территории гостиницы, вынуждены были спрятаться в здании, а потом появились раненые и первый убитый, боец из волгоградского РОВД, которому осколок пробил шлем.

– Сволочи, похоже, бьют из-за первого источника, – Севостьянихин разглядывал город в бинокль. – А вторая?.. Вторая где батарея?

Перед ними возвышался Машук, заросший буком, с телевизионной вышкой на вершине и весь пригород до самого подножия. Гостиница доминировала над местностью. В свою очередь, она тоже была неплохим ориентиром для обстрела.

– Надо посадить сюда ещё двух снайперов, чтобы держать дагов на расстоянии, – сказал Севостьянихин. – Но не из наших. Наши мне понадобятся. Эх, сюда бы миномёты, мы бы вжарили по полной!

Пуля зарылась в крышу рядом с ними. Они спрятались за трубу, и боец из омского РОВД сказал, что снайперы лупят издали и что это не так страшно, как кажется, – расстояние большое.

– На Машуке сидят, сволочи, а ещё – на пансионатах «Тарханы» и «Лермонтов».

– Но, как известно, пуля – дура, – среагировал Севостьянихин и подмигнул бойцу, который, похоже, знал своё дело, потому что умело прятался за ограждением и стрелял из своей СВД⁵ через отверстия для стока воды.

Когда они спускались с крыши, то встретили подполковника Маслова, командира группы из кировского УВД, который формально подчинялся Севостьянихину только на время военных действий, а с выводом отряда с КПП «Кавказ» имел полное моральное право распоряжаться своими людьми самостоятельно. Но где МВД, а где армейский спецназ, да и реальность боевой остановки диктовала свои условия.

– Чего будем делать? Я хочу вывести своих людей в штаб!

Штаб находился в районе Бештау, до него было пять километров по захваченным боевиками улицам. Достаточно двух снайперов, чтобы заstopорить любое движение, и полковник Маслов хорошо знал об этом.

– А если он захвачен? Вот у меня связи нет! – потряс рацией Севостьянихин.

– Дай мне один БТР!

– У меня приказ находиться в здании и держать рубеж: улица Пастухова – костёл. Но если так нейдётся, можете уходить. Всё равно из вас вояки, как из меня папа римский.

– Ты на что намекаешь?! – вспыхнул подполковник Маслов, и щёки его, как у хомяка, возмущённо надулись.

Был он болезненно грузен и страшно потел и запомнился Игорю тем, что не умел пить и на следующий день после пьянки, хватаясь за правый бок, потребляет только компот. Вот и сейчас от него пахло какой-то зверской смесью водки, ацетона и, кажется, даже солярой – в общем, разлагающимся заживо человеком.

– На то и намекаю, о чём все молчат. Воевать надо лучше, а не языком молоть!

– А приказ чей? – ушёл от разговора Маслов, видно было, что он тут же готов увести своих людей и на подобные приказы ему, честно говоря, начхать.

– Генерал-полковника Косматого, – сообщил не без ехидства Севостьянихин, который воспринял просьбу Маслова как трусость.

– У меня своё начальство... – возразил было грузный Маслов.

– Где оно?... В Москве?... – ехидно спросил Севостьянихин и пошевелил своим длинным носом, что означало крайнюю степень недовольства. «Знаем мы эту Москву, – говорил нос. – Днём пойдёшь и половины людей не доведёшь». – Прости за метафору, – сказал Севостьянихин.

Целую минуту подполковник Маслов соображал. На скулах у него ходили желваки. Потом он процедил, но так, словно сдавал позицию по всем направлениям:

– Ну смотри... под твою ответственность, май-ор... – и почему-то страшно разозлился.

Должно быть, уже пообещал своим вывести их отсюда, подумал Игорь, а здесь облом, вилы в бок. Не выгорело у подполковника. А ещё он подумал, что если они не удержат гостиницу, то подполковник Маслов будем первым, кто укажет пальцем на Севостьянихина как главную причину гибели, и формально будет прав.

Потом явились ещё двое с тем же самым: майор из Волгограда и капитан из Белгорода, правда, не такие наглые и, как ни странно, абсолютно трезвые. Севостьянихин как раз «сидел на рации». Он выслушал их, как сфинкс, и молча протянул трубку:

– Подтверждаю твои полномочия, майор, командуй группой и держи свой рубеж. А Ермаков сам выйдет на связь. Жив он, жив. И штаб жив. Только потери у него большие. Отобьётся и с тобой свяжется. А пока оттягивай боевиков на себя. Не давай им в городе закрепиться.

---

⁵ СВД – снайперская винтовка Драгунова.

– Все слышали? – терпеливо спросил Севостьянихин. – Ну и отлично. Распределяйте людей по этажам. Мебель выкинуть к едрене-фене, а то сторим, как Жанна д’Арк на костре. И стреляйте, а не отсиживайтесь, а то, понимаешь ли, привыкли на чужом горбу в рай!

Игорю Габелому было противно смотреть на майора и капитана. От стыда они покрылись красными пятнами. Только теперь до них дошло, что положение серьёзное и что это не шутка со стороны моджахедов, а самая что ни на есть настоящая война, которую за редким исключением большинство видели по телевизору да в кино. Вот они и заволновались, сообразили, что влипли по самое не хочу, и искали выхода. А выхода было два: или драться, или стать дезертиром, можно было ещё сдать в плен на радость духам, но тогда им грозило остаться без голов в прямом смысле слова, тем более что духи засиделись за «стеной» и жаждали развлечений.

От «диких гусей» никто не явился. Будет полковник Примогенов да ещё начальник второго отдела ГУВД Ростова-на-Дону разговаривать с каким-то майором из спецназа. Много чести, должно быть, считают они. Эти явятся, когда уже совсем припечёт, чтобы потребовать своё, и брать будут глоткой, нахрапом.

– Надо готовить группу прорыва, – сказал Севостьянихин. – Возьмёшь Котлярова и оперативников человек десять, и того снайпера с крыши тоже возьми, парень вроде толковый. В общем, будь готов. Я дам команду.

– Есть, быть готовым, – ответил Игорь.

– Ногинский вернулся?

– Нет ещё.

– Что-то он долго, – заволновался Севостьянихин, и нос его тоже заволновался и даже покраснел. – Если его до сих пор нет, значит, ни о каком прорыве и думать не стоит. Боевики тоже не дураки, заблокировали все дороги.

Штаб объединённой группы охраняла усиленная рота ОМОНа, он хорошо был приспособлен к обороне. Это мы здесь люди временные, от смены к смене, а там: три танка и пулёмётные гнёзда, построенные капитально в скалах горы Бештау, думал Игорь. Но похоже, что именно туда боевики и нанесли главный удар.

Внезапно наступила тишина. Последняя мина взорвалась во дворе гостиниц, и как обрубило. Ещё в ушах стоял гул обстрела, когда перед гостиницей раздался голос:

– Э-э-эй! Выходи на переговоры!

Из-за сосны выглядывал коренастый рыжий человек с белой тряпкой на палке. Он размахивал ею, как будто семафорил:

– Выходи, поговорим!

– Я схожу, – сказал Игорь, снимая «бронник».

– А почему ты? – ревниво спросил майор Севостьянихин. – Ты мой заместитель.

– Я пойду, Андрей Павлович, – подмигнул ему Игорь. – Погляжу опытным глазом, что да как. Да и время надо потянуть. Вдруг узнаю, что со штабом.

– Так они тебе и скажут.

– Не скажут, так не скажут, а...

– А если это ловушка?! – чуть ли не ткнулся в него своим длинным носом Севостьянихин. – Если они тебя в плен хотят взять? Им же тоже «язык» нужен?

– Если бы да кабы, – ответил Игорь. – Ничего не случится.

– Стращать будут, – ещё пуще забеспокоился Севостьянихин, нос его побледнел и заострился, словно почуяв неладное.

Прямо не нос, а индикатор настроения какой-то, удивился Игорь:

– Пусть страшают, мы же тоже не пальцем деланные.

– Ну да, – охотно согласился Севостьянихин, – с этой точки зрения... не пальцем, согласен... – Он задумался над тем, что и так было очевидно. – Ладно... иди, – сказал он, – «бронник» только надень.

– Ну вот ещё, – ответил Игорь. – В нём я буду выглядеть полным идиотом, да и ты сам знаешь, что от снайперской пули он не спасёт.

Кроме всего, «бронник» лишил ловкости. Это тебе не экспериментальный с «жидкой» бронёй, это наш обычный «бронник» из керамики и стали, полпуда весом.

– Да, действительно, – согласился Севостьянихин, и нос его смешно задёргался. – Я на всякий случай прикажу взять рыжего на прицел. Если что-то почувствуешь, то почеси затылок или падай на землю, а мы тебя прикроем.

– Хорошо, – сказал Игорь, замечая краем глаза Божену.

Она стояла в двери той комнаты, в которой сделали лазарет, и глаза у неё были тревожными. Подходить к ней на виду у всех было сентиментально и глупо, и он только махнул рукой, и, кажется, она поняла. Да и все остальные тоже поняли: роман у них, настоящий, без дураков, с настоящей любовью, а не цацки на дорогах.

Олег Вепрев сказал, кисло морщась, очень серьёзным тоном:

– Я с тобой. Прикрою накоротке. И вообще, может, вместе пойдём?..

Игорь так на него посмотрел, что Вепрев понял – шутка не удалась: несолидно это выходить вдвоём против одного. Да и цель в два раза больше. Глупо. Честно говоря, Олег из-за давней контузии порой был неадекватен. А переговоры надо было провести на высоком уровне, то есть без мордобоя и хамства. Игорь и сам умел махать руками, а уstrasшить по негласным правилам спецназа мог кого хочешь. Выдержка были нужны и хитрость, а ещё самообладание, ну и наглость, разумеется. Без наглости никуда.

– Нет, рыжий один. И я буду один, – ответил он.

– Да! – крикнул вслед Севостьянихин. – И особенно с ним не церемоньтесь. Парламентёр хренов! Видали мы таких парламентёров.

– Есть не церемониться, – радостно отозвался Олег Вепрев и аж подпрыгнул.

Лысина его блестела от пота, глаза были весёлые, ухарские, и только ранняя седая щетина выдавала возраст. Если у человека нет страха – это целая проблема. Игорь слышал, как о Вепреве говорили за глаза: «Капитан хоть и выглядит моложаво, но прошёл Чичу⁶, он сумасшедший, с ним лучше не связываться». А вечным капитаном он стал, потому что начальства не боится и может сказать правду-матку, только кому теперь эта правда-матка нужна при нынешних обстоятельствах, когда всё пошло вкривь и вкось, и армия рушилась как карточный домик, и один человек погоды не сделает, если даже расстарается ценой собственной жизни.

Они побежали, весело болтая, словно спешили в бар. Привыкли они к войне, к её неожиданностям и понимали, что её надо бояться только в тот момент, когда тебя ранят, а если внезапно убьют, тогда уже всё равно. А раньше времени умирать глупо, и пуля, которая визжит над ухом, не так страшна, как та, которую ты «словишь». В общем, всё было привычно и так, как и должно было быть, что вносило в их жизнь хоть какое-то ощущение стабильности.

– Ты главное, если что, гранату ему под ноги, – посоветовал Олег Вепрев. – Под ноги... А может, я пойду?.. – спросил он с надеждой.

Игорь даже не счёл нужным ответить, он и сам продумывал разные варианты. Но ни один не выглядел достойно, а трусость или нерешительность – они заметны, и если он покажет эту самую трусость врагу, а потом ещё и принесёт её назад с собой, то все решат, что дело дрянь, и разбегутся, как куропатки, или плохо стрелять начнут, беречь себя, или, что хуже, – прятаться. А выигрывает тот, у кого дух сильнее. Это аксиома войны. Устоял в бою, значит, победил. Духи тоже бояться, им тоже жить хочется, у них тоже в жилах кровь течёт. К тому же время играет против них. Как-никак, с одной стороны русские, а с другой – американцы. Не смогут пиндосы вечно делать вид, что ничего не происходит, мир не поймёт. Хотя какой тот мир? С него станется. Рано или поздно начнут реагировать, как при открытии второго фронта.

---

⁶ Чича – Чечня (жарг.).

Обещанного, как известно, три года ждут. Всё равно, моджахеды так и так будут торопиться, и на этой торопливости надо сыграть. Не давать им уверенно чувствовать себя в городе.

Ресторан был разгромлен вчистую. В крыше административного корпуса зияли дыры. Бойцы прятались за колоннами и простенками, и поэтому потерь на первом этаже не было, за исключением легкораненых.

Внизу хозяйничал Герман Орлов.

– Ногинского не видел? – спросил Игорь.

– Лёха не появлялся. Я уже сам волнуюсь. Как бы чего не вышло.

– Сплюнь, – посоветовал Игорь.

– Да уже двадцать раз, – отмахнулся Герман Орлов. – А вы куда? – пробасил он. – На переговоры? И я с вами!

Под правым ухом у него запеклась корка крови. Он был перемазан гарью и копотью, но глаза у него сияли, он явно находился в своей стихии.

– Тебе нельзя, – безапелляционно ответил Олег Вепрев.

– Что значит – нельзя?! – возмутился Герман Орлов.

– Я говорю, нельзя!

– Ась? – дурашливо приложил ладонь в ухо Герман Орлов. – Плохо слышу.

– Я говорю, тебе нельзя!

– Ёпст! Почему это?! – с вызовом спросил Герман Орлов и воинственно выпятил широченную грудь.

– Потому что ты дюже здоровый, – ответил Игорь. – Рыжий испугается и в штаны наложит.

– Эт-т... точно, – весело согласился Герман Орлов. – Ты только скажи, я выбью ему коленную чашечку! Не доверяю я дагам, – поведаль он проникновенно. – Слушай, самое главное, встань так, чтобы тебя прикрывали деревья и кусты. А я пулемётом, как шатром, тебя прикрою. Самолично стрелять буду. Главное, чтобы снайпер из военного госпиталя тебя не видел. Так что не форси. Христом Богом прошу: за деревья не выходи, на поляну перед гостиницей не вздумай высовываться. Хитрость в нашем деле самое главное, – наставлял он Габелого.

– Ладно... – снисходительно пообещал Игорь, – встану. – И выпрыгнул в окно.

Не любил он долгие разговоры, как и долгие проводы, ничего они не давали, только душу теребили. Так и с женщинами своими расставался, говорил «Нет» и уходил, потому что душа не принимала лжи.

Странно было видеть двор, который ты только что обстреливал сверху. Однако, кроме гильз, ничего не напоминало о бое. Разве что сбитые ветки сосны, попорченные стволы да кровавый след от того боевика, которого Игорь застрелил давеча. Утащили его свои, а как – никто не видел. Хитрые они. Должно быть, накидали дымовых шашек и вытащили.

– Ты кто?! – нагло спросил рыжий в «пуштунке».

На руке у него была синяя повязка – отличительный знак, чтобы свои узнавали в бою. На Игоря эта повязка, а особенно «пуштунка» действовали, как красная тряпка на быка. «Пуштунка» для него была символом врага, с «пуштункой» бились ещё в Афгане, хотя, конечно, он там не успел повоевать, но, разумеется, слышал много рассказов от бывалых людей.

– Заместитель командира отряда, – ответил Игорь, не выходя, однако, за левое крыло здания.

Рыжему пришлось сделать пару шагов навстречу, и его лицо с неуловимым налётом уголовника сделалось обиженным.

– А звание у тебя какое?

Он ел его своими наглыми глазами, но Игорю было всё равно. Он к таким взглядам давно привык и знал, что за ними ничего нет, кроме моджахедского апломба.

– Капитан.

– Майора прислать не могли?

У него была длинная шея и маленькая голова на ней.

– А зачем тебе майор?

– Я сам майор, – ответил рыжий со странным акцентом.

«Пуштунка» делала его неузнаваемым. Игорь вдруг понял, что он не кавказец, а скорее всего, свой, русский, принявший ислам. Точно, свой, сволочь, подумал Игорь, выгнали ещё при Трофимове, тогда полицию кошмарили. Слышал я о таких, но никогда не видел. А здесь сподобился чести разговаривать.

– А ты кто?

– Я из уральского спецназа, – сказал рыжий. – Алик Мухитдинов.

Не боится, решил Игорь, но учитывает, что за предательство могут спросить, поэтому и нервничает.

– Врёшь, – сказал он. – Я там служил, тебя не видел.

Конечно, ни в каком уральском спецназе он не служил, но спуска Мухитдинову давать не хотел. Он давно уже заметил, что духи большие мастаки на враньё, чтобы казаться значимее. Не было за ними такой силы, как Россия, не на что им было опереться, разве что на гулькин нос размером с Имарат Кавказ, да и тот ещё не устоялся, пни, и он развалится.

Рыжий засмеялся:

– Э-э-э... не веришь?

– Не верю.

Игорь заметил, как из-за здания первого источника, где предположительно находились миномёты, выглядывают духи, а ещё справа три духа воспользовались передышкой и сделали перебежку в сторону двухэтажного здания, которое стояло за дорогой. Ничего у вас не получится, решил он, спешите вы, а спешка нужна только при ловле блох.

– А придётся, – поведаль рыжий. – Мы сейчас устанавливаем пару безоткатных орудий, и считай, через полчаса развалим вашу гостиницу с помощью Аллаха!

– Что же вы раньше их не притащили?

– Время нужно, – с хитрым прищуром ответил рыжий.

Опять врёшь, подумал Игорь. Прошло часа полтора. За это время можно было гаубицу притарабанить. Если бы у вас был такой козырь, вы бы давно его выложили. Не могут моджахеды ждать, нет времени у них. А так, похоже, что наши перекрыли дыру-то, и подкрепления вам не придут. Поэтому вы и засуетились, уговорить решили. Точно, обрадовался он. Заткнули дыру, только молчат наши до поры до времени. Может, не могут сообщить, а может, бои тяжёлые. Вот куда все силы брошены.

– Штаб ваш захватили, – важно сказал рыжий. – Слышишь, как тихо.

Действительно, в наступившей тишине слышно было, как по-весеннему весело шумит вдалеке горная речка Подкумок.

– Ну и что вы хотите? – спросил Игорь, чтобы только не слышать эту подозрительную тишину.

– Сдавайтесь. Безопасность гарантируем, и проход на Будённовск, пока он ещё не захвачен, – рыжий ослабил и попытался скрыть свою неуверенность. Пел он с чужих слов, а думал по-другому, потому что знал, с кем столкнулся: с бывшими соотечественниками, а эти так просто не уступают, вот и не было в его словах уверенности, и говорил он больше для проформы, пробовал взять на испуг. Нужен был ему этот испуг, очень нужен. Гостиница для них, как кость в горле, понял Игорь, потому что из-за гостиницы они не могут идти дальше.

– О-о-о... – неподдельно удивился Игорь. – Плохи ваши дела? Плохи?! – догадался он. – Обосрались вы. Влезли в говно по уши и не знаете, как ноги унести.

Но рыжий словно не услышал его, а только схватился за кинжал, который торчал у него за поясом, и пальцы его побелели:

– Забирайте личное оружие и уходите! Зачем вам этот город? Он будет нашим. Сами не хотите отдавать, мы заберём силой! А отсюда пойдём на Москву!

А-а-а... вот зачем они пришли, понял Игорь. С собой-то много не утащишь, а в гостинице какой-никакой, а склад имеется. Получилось так, что все командированные оставляли вооружение именно здесь. Вот и скопились приличные запасы стрелкового оружия, только миномётов не было. Все миномёты остались на позициях.

– А «большой договор»? – с любопытством напомнил Игорь. – Вы же сами его подписали.

– Слушай, лично я ничего не подписывал, и мои джигиты – тоже. А то, что вы там надумали с вашей Америкой, – это ваше личное дело. Мы этот договор не признаём. Нам нужны все земли от Чёрного моря до Каспия и от Ростова-на-Дону до Астрахани.

– Зачем тебе Ростов-на-Дону? – спросил Игорь. – Зубы сломаешь.

– Э-э-э... не понимаешь... – чуть успокоился рыжий, – слушай, это тебе не надо, а мне пригодится. Америка снова поможет. Она хоть большая и глупая, но она наша.

– Ты же её не любишь?

– Почему не люблю? Люблю. Америка – хорошо. Помогла с вами, неверными, справиться. Русский совсем больной стал. Аллах поможет – больше захватим. А «стена» пусть стоит. Она нам не помеха. Мы потом сюда экскурсии будем водить, европейцам показывать, какую они «стену» возвели и какие мы великие прошли сквозь неё. Мира мы не хотим. Мы воевать хотим во имя всевышнего и пострадать за него. Понял?

– Понял.

– Ну так что?! – спросил рыжий с тайной надеждой, что напугал Игоря Габелого.

– Подумать надо, – ответил Игорь. – Я доложу начальству.

– Э-э-э... Хитрым хочешь стать? Ладно, думайте пятнадцать минут, а потом мы из вас душу будем вынимать, – засмеялся рыжий.

– Смотри, как бы твою не вынули, – ответил Игорь и запрыгнул в окно.

– Что он хотел? – налетел на него громогласный Герман Орлов, а за ним Олег Вепрев и Лёва Аргаткин с возмущенными лицами.

Лёва Аргаткин давно уже оправился и деловито шмыгал разбитым носом.

– Что он может от нас хотеть? – ответил Игорь. – Ну-ка дай!.. – он взял у Германа Орлова огнемёт «шмель-м», которым при сноровке можно было пользоваться в помещении, не опасаясь быть травмированным ударной волной, прицелился в среднее нижнее окно домика, в который перебежали трое боевиков, и одним выстрелом развалил его от фундамента до крыши. – Вот это наш ответ! – сказал он, бросая трубу на пол. – И пошли они все в задницу!

– Правильно! – радостно заорал Герман Орлов. – Гы-гы-гы!!!

Пока Игорь докладывал Севостьянихину о результатах переговоров, пока они судили и рядили над картой, где могут быть установлены те безоткатные орудия, весть об ультиматуме боевиков разнеслась по гостинице, как огонь. Явились сразу все во главе с командиром «диких гусей» полковником Примогеновым, от которого сильно пахло коньяком.

– Ты знаешь, кто я?! – сразу с места в карьер загремел он. – Знаешь? Я тебя засужу, если хотя бы один человек из моей команды будет ранен, если хоть одна царапина...

– Чего ты хочешь, полковник?! – грубо спросил Севостьянихин. – Вы на войне, а не в песочнице играетесь. Надо упереться рогом, и баста!

– Мы намерены уйти в Будённовск! – заявил полковник. – Ты дашь нам один БТР, и мы свалим. А вы воюйте хоть до усрачки!

– И мы тоже уйдём, – вторили ему потный Маслов, майор из Волгограда, и капитан из Белгорода. – Если есть возможность, почему бы не уйти?!

– А кто вас там ждёт? – хитро спросил Севостьянихин. – Дорога наверняка перерезана.

– Не надо нас душить. Мы пройдем! – кричали они неразумно, как дети, трусливо прислушиваясь к звукам снаружи, словно боевики уже начали обстрел из безоткатных орудий.

Боятся, понял Игорь. «Да и я тоже боюсь. Только выходить из-под защиты стен глупо, перебьют в два счёта».

Словно в подтверждение застрочил пулемёт, и пули с визгом ударили в стены. Все невольно пригнулись, а капитан из Белгорода даже юркнул за угол, но быстро вернулся и сделал вид, что это не он обмишурился, а кто-то другой.

– Зачем, зачем тебе, майор, неприятности на седалищный нерв? Нас восемьдесят пять человек. С такой силой можно никого не бояться.

– Думаешь, с вами все пойдут? – с любопытством спросил Севостьянихин.

Ему было интересно, насколько глубоко падёт полковник Примогенов в своём стремлении пасть ещё глубже. Водились за Примогеновым грешки: пытался он за спиной Севостьянихина вести договорную политику с моджахедами. Поймал его один раз Севостьянихин на том, что он брал с контрабандистов откупные, доложил куда следует. Но даже это не помогло. Видно, хорошо сидел в Москве полковник Примогенов, кормился кто-то с его потных ручек. Не убрали Примогенова, только хуже сделали: вывели из-под команды Севостьянихина. И тот, конечно, разошёлся на всю катушку.

Примогенов ничего не ответил, он только болезненно поморщился. Видно было, что его мало волнуют доводы майора, главное, вырваться, а там трава не расти.

– Ни один дурак с вами не пойдёт! – выпалил Герман Орлов.

– Ты, слышишь, прапорщик, пошёл ты на хер! – распалился полковник Примогенов. – Почему в отряде дисциплины нет?! – заорал он на Севостьянихина.

– А кто будет защищать город?! – точно так же, на повышенных тонах спросил Севостьянихин. – Кто?!

– Чихать нам на город! – кричал, ещё более распаляясь, полковник Примогенов. – Лично я сюда не воевать приехал.

– За наградами! – выкрикнул Герман Орлов, но его уже оттеснили подальше в угол. – Такие, как ты, за тыщонку Родину продали! – кричал он. – Думаешь, я ваше «болото» забыл. Продались американцам, ёпст, вашу мать за ногу! Ёпст! Армию размазали, страну развалили! Ёпст! Теперь свалить хочешь, ёпст! Крыса тыловая! Я таких, ёпст, каблуком давил!

– Что?! Кто?! – теряя лицо, багровел Примогенов.

Но на него никто не обращал внимания, хотя с обеих сторон подвалило народа. Правда, Игорь заметил, что рядовые бойцы за спинами своих начальников выглядят не так самоуверенно, а разглагольствование о городе, на который начхать, им вообще не понравилось. В общем, нормальные в полиции были ребята, свои в доску, не обученные, не умеющие воевать, но честные ребята, славяне, одним словом. Некоторые из них отошли прочь, предоставив начальству самостоятельно вымазываться в дерьме.

– И что будем делать? – ехидно спросил Севостьянихин, и его гениальный нос возмущённо раздул ноздри.

– Наше дело «стену» охранять! – кричал полковник Примогенов. – А умирать из-за ваших дурацких принципов мы не желаем!

Все те начальники, которые стояли за его широкой спиной, загудели, одобряя поведение своего начальника.

– Я уже давно заметил, полковник, – сказал Севостьянихин, – что все твои разговоры сводятся к пенсии, покеру и к домику в деревне. Думаешь, я не знаю, что ты на меня доносы строчил в штаб? Только покомандовать тебе не дали.

– Ты меня на понт не бери! – ещё больше побагровел полковник Примогенов. – Видал я таких!

– Ёпст! – снова возмущённо заорал Герман Орлов, вырываясь из объятий, как угорь из сети, и попёр, и попёр, словно крейсер на мирных испытаниях. – Едрить тебя в маковку! Коленную чашечку выбью, сука кабацкая!

– Тихо! – оборвал всех Севостьянихин, которому быстро надоел разговор. – БТР вы не получите! Это первое, а второе – тот, кто выйдет за пределы здания, схлопочет пулю в затылок. Все слышали?!

– Ну ты за это ответишь! – кричал полковник Примогенов, хватаясь за автомат.

Но его обезоружили быстрее, чем он успел произнести: «Ой, мамочки!» И всех остальных тоже уложили мордами в пыль, в грязь и пригрозили тут же шлепнуть.

– Да жалко руки марать! – сказал Игорь.

А Герман Орлов одобрительно прогудел:

– Правильно, командир, правильно. Я бы такое начальство в проруби топил, да всё равно вонять будет. А сговариваться да пропускать боевиков бессмысленно – они теперь в другой стране живут, они как бы напали вероломно, как фашисты, так что должны получить за свои шалости. Гы-гы-гы!!!

Игорь был странно удивлён его умными речами, никогда ещё Герман Орлов не рассуждал так здраво, а главное – с таким смыслом, что все безоговорочно с ним согласились. Умным оказался Герман Орлов, очень умным.

Глава 2

Командировка

Вначале телефон гудел, как трансформатор, потом заиграла «Гудбай, Америка», и только потом, когда уже последние звуки таяли в воздухе, он протянул руку и щёлкнул крышкой телефона, в спешке даже не взглянув, кто звонит. Кто ещё, кроме Лёхи Котова, среди ночи?! – решил он с досады. Только Лёха имеет такие дурные привычки трезвонить ни свет ни заря, только он невоспитан до отвращения к самому себе, только он может начать разговор с фразы: «Прости меня, полного, неизлечимого, хронического идиота! Но именно он сейчас хочет поговорить с тобой!» И долго, и радостно ржать в трубку, как пятнадцатилетний инфантил или как верный Санчо Панса. Однако на этот раз Феликс ошибся. «Спокойно, Бонифаций, спокойно» – погладил себя он по груди, ибо был удивлён.

– Спишь, Родионов? – Узнал он голос Александра Павловича Соломки, главного редактора, своего непосредственного начальника и пренеприятнейшего типа: высокого, сухого, как стручок, белёсого вплоть до ресниц и вдобавок ещё и обладателя глухого, сиплого тенора, который, чтобы расслышать, надо было неизменно напрягаться. Но как говорится, начальство не выбирают. Оно, как родина – или есть, или нет. Александр Павлович всегда говорил монотонно, как допотопный фонограф, без пауз и восклицаний, словно нарочно, прикрывая рот рукой. Понимай его, как хочешь. В общем, что-то у него было от синдрома Альцгеймера, повернутого ко всему прочему не на тот градус. Но тот, кто ошибался на этот счёт, через некоторое время понимал, что палец в рот Александру Павловичу не клади и не зевай на поворотах, ибо Александр Павлович был склонен к провокациям и мелким пакостям по службе, как то: сталкивание сотрудников лбами, тонкое издевательство над подчинёнными и доноительство начальству. В общем, полный букет Абхазии, соцветие Сухуми и фимиама Гагры.

Феликс вспомнил, что, когда только начинал карьеру в газете, Александр Павлович Соломка всячески подстрекал его на то, чтобы он подсиживал Борьку Смирнова – начальника отдела новостей, который, кстати сказать, потом стал приятелем Феликса, и теперь они часто пили пиво и на Ильинке, и на Полянке, и на Тверской, и на Якиманке, и ещё бог знает где. Была в Александре Павловиче такая подленькая черта, за которую в приличном обществе морду бьют, и бьют сильно. Но, видно, в детстве и юности его мало учили во дворе: «Эй, шнурок, принеси мяч!» А ещё Феликс не любил в нём вечные нотации. Вот и сейчас Александр Павлович безмятежно, словно рассеявшийся Шолохов на Гоголевском бульваре, продолжил:

– А между прочим, в мире происходят события государственного масштаба, и наш долг донести их до общественности, а то, понимаешь, всё на кризис списывают... а о работе не думают.

Он так и сказал почти помпезно: «События государственного масштаба». А на что он намекал – Феликс не знал и знать не хотел, это было личным делом Александра Павловича, его фантазиями, ибо фантазии главного чаще всего были необузданными и дикими, как всё в этой стране, пропахшей нафталином и серой. С недавнего прошлого Феликс вообще перестал обращать внимание на игру слов главного и уже не искал в них потаённого смысла. Не было там никакого смысла – одно фанфаронство и звенящая пустота. Витал Александр Павлович Соломка в облаках, а не твёрдо по-репортёрски ходил по земле, хотя и не пересекал черту, за которой начинается откровенное сумасшествие, но всё шло к этому. Его монотонные сентенции Феликс выслушивал по двадцать раз в день, и они у него уже в зубах завязли, потому что Александр Павлович Соломка хотя кровью и потом и выбился из первой волны посткризисных журналистов, но так и не научился красиво жить и радоваться жизни и свободе. Как известно, мировой кризис имеет особенность возвращаться и проделывал это не единожды. Последнее

десятилетие – особенно часто и особенно почему-то в России. Так что все пребывали в состоянии перманентного ожидания развала карточного домика. Женщины Александра Павловича не интересовали, по барам теперь свободно не находишься, а на что-то большее он просто не был способен. Страсти не хватало. И вообще внутри у Александра Павловича Соломки залита холодная оконная замазка, а не человеческие чувства. Пропустить своё время – это тоже надо уметь. Но зато в редакции он ощущал себя на коне, этот Александр Павлович – нытик, безбожник и импотент. Про себя Феликс называл его Рыбой. Впрочем, если бы не «новая свобода» после трофимовского феодализма и заржавевшего поколения, то сгинул бы Александр Павлович в пучине времени, как до него сгинули многие. А «новая свобода» на то она и «новая», чтобы дать ему шанс, и он им великолепно воспользовался. Рулил теперь «Единогласием», как ему заблагорассудится, тем более на зарубежные деньги, и в ус не дул. Разумеется, он много не хапал, но кое-что, несомненно, прилипало к его потным лапкам. Впрочем, меня это мало касается, думал Феликс, каждому своё, но до поры до времени, разумеется.

– Я вас слушаю, Александр Павлович, – ледяным тоном произнёс он, чтобы только перевести разговор в деловое русло.

Мало того, что разбудил меня среди ночи, подумал Феликс с раздражением, так ещё отчитывает без повода, как мальчишку. Единственное, чего мне хочется в эту ночь – так это забраться в холодильник, где стоит бутылка «Невского», припасённая на утро. Вчера мы с Лёхой в ресторане «Над Москвой-рекой» перебрали: джина, водки и шампанского, но зато было весело. И девушки тоже были весёлые, только я не знаю, какие и куда они потом делись, с трудом припоминал Феликс. Просто в какой-то момент они пропали, и всё, а может, я отключился? Нехорошо отключаться в твоём возрасте, думал он, нехорошо. Надо контролировать себя. Год пить не буду, дал он себе слово, нет, два года. Да, два года, твёрдо решил он, этого вполне достаточно.

– Вот я и хочу тебе сообщить, что наш долг... – завёл старую пластинку главный.

– Александр Павлович, о долге вы уже сообщали, – перебил его Феликс. – Говорите, куда ехать и что делать, – сдался он, хотя имел полное моральное право отказаться под любым благовидным предлогом, ибо было раннее утро воскресенья и жизнь катилась совершенно в другую сторону.

– Ну да... разумеется... куда бы вы без меня делись... – все тем же бесстрастным голосом посетовал Александр Павлович. – В общем, так, записывай: в Минеральных Водах тебя ждёт машина, стоит в стойле нашего филиала, заправленная под завязку.

– Зачем мне машина?... – удивился Феликс, ещё плохо соображая, что главный просто так не звонит с полночи.

– Ты что, телевизор не смотришь?

– Сейчас ночь, – мрачно напомнил Феликс и красноречия ради шмыгнул носом.

– Не ночь, а пять часов утра, – менторским тоном уточнил Александр Павлович.

– Знаю, – ответил Феликс, садясь в постели и потягиваясь до звона в мышцах. – На часы гляжу.

– Если бы ты посмотрел новости, то не задавал бы дурацких вопросов. На Кавказе назревает заварушка. Моджахеды жаждут освободить Россию.

– Когда? – наконец сообразил Феликс.

Освободить, это хорошо, подумал он. Это прекрасно! Полная абсолютная свобода! Будет, о чём написать.

– Через три дня, в ночь на двадцать пятое.

Ого, какая точность, удивился Феликс и деликатно напомнил, чтобы начальство не расслаблялось:

– Это не телефонный разговор.

– Не волнуйся, теперь никого ничего не волнует.

Феликс понял, что Александр Павлович намекает на полную лояльность сил безопасности, которую перетрясли десятый раз, как мешок с отрубями. Выкинули оттуда всех паршивцев и поставили кого нужно. Даже если нас подслушивают, то это никого не волнует, понял Феликс. Продолжается большая игра. Кому надо, знают, что армию сливают любой ценой – этот дряхлеющий оплот трофимовщины. Зачем нам армия, если мы делаем ставку на Америку? Пусть ЦРУ старается и Шестой флот США. Однако даже самый последний журналист понимает, что в открытую нельзя – народ не поймёт, получится «болотная» наоборот, не дай бог, конечно. Нельзя взять и развалить армию вне логики, а только с умом. К народу надо прислушиваться – это азы политологии. Всего-то требуется отрубить последнюю голову, как Лернейской гидре. Вот и надо сделать так, чтобы армия оплошала по всем статьям, тогда и наступит абсолютная «новая свобода», тогда я получу место начальника «военного отдела» и буду гонять по всему свету, с тихим восхищением думал Феликс, ох, и жизнь начнётся, предался он мечтам: девочки, вечеринки, большие люди, но пока придётся вкалывать до седьмого пота на родной ниве. Место начальника «военного отдела» ему было обещано давным-давно, практически как только он попал в газету, он считал его своим и сросся с ним позвоночником. Ясно, что решение принимается не местным руководством, а за океаном. «Везде должны быть наши люди», – говорил мистер Билл Чишолм, куратор и наставник Феликса. Умнее человека Феликс не встречал. Мистер Билл Чишолм умел так всё разложить по полочкам, что жизнь представлялась ясной и простой до умопомрачения. Легко было работать с мистером Биллом Чишолмом, так легко, что Феликс испытывал к нему сыновние чувства. К родному отцу не испытывал таких чувств, разве что только в глубоком детстве, а здесь словно прорвало. И выпить мог мистер Билл Чишолм, и поболтать на разные темы, и даже мягко наставить на путь истинный, весьма в скромных рамках, разумеется, не говоря уже, что вводил Феликса в самые различные журналистские круги Нью-Йорка и Вашингтона. Очень умный мужик, думал Феликс с благодарностью, очень даже умный, за исключением одного недостатка. Феликс один раз видел, как мистер Билл Чишолм своими руками, поросшими короткими рыжими волосами, едва не задушил человека, задавшего ему неловкий вопрос. Так вот, в тот момент у мистера Билла Чишолма были ужасные, даже не просто ужасные, а смертельно ужасные глаза – буравящие, яростные и неукротимые, как у одержимого. Если бы не Феликс, мистер Билл Чишолм убил бы того несчастного репортёра. С тех пор Феликс в глубине души побаивался мистера Билла Чишолма. Пытался он забыть его глаза, но не мог, то было выше его и засело, как заноза, в подкорке, пытался он выдернуть ту занозу, да не мог. Не по силам ему было, и ему часто казалось, что волосатые руки мистера Билла Чишолма смыкаются на его шее. Крайне неприятное ощущение.

– Согласен, но предосторожности ради... – сказал Феликс, отбрасывая неприятные воспоминания, как использованную салфетку.

Всё-таки гордость у меня есть, думал он, считая, что «старички», как ни странно, и мистер Билл Чишолм в том числе, в своём стремлении к «новой свободе» действуют слишком прямолинейно и очень даже могут перегнуть палку. Хитрее надо и осторожнее, а то палка сломается. Ясно, что им не терпится закрепить успех на веки вечные. Хорошо, что в обществе сейчас эйфория от этой самой «новой свободы». А потом? «А потом – суп с котом», – говорил он сам себе. Ещё одна революция? В России слишком много революций. Такая страна, ничего не поделаешь. А это плохо. Пожалуй, надо остановиться и подумать. Он понимал, что мысли его более чем крамольные для мистера Билла Чишолма и абсолютно не в духе времени. Получалось: ты своего достиг, а остальные – как получится. Недемократично, зато в русле времени.

Разумеется, он ни с кем не делился подобными мыслями, разве что с Лёхой. Но Лёха был в доску своим и абсолютно аполитичным, что было весьма и весьма редким явлением, но ценилось «старшим братом». Поэтому Лёха Котов и служил в газете «Единогласие», не будучи ни под чьим колпаком. То, что колпак существует, Феликс даже не сомневался. Кто же пустит

на самотёк такую отлаженную машину, как пресса. Даже в советские времена никто не позволял себе такой вольности. Поэтому все эти разговоры о демократии Феликс считал не более чем лицемерием по отношению к наивной публике. И эту наивность в ней надо подпитывать, думал он, дуракам закон не писан, а то моё светлое будущее не состоится.

– Ты что, меня учить будешь? – чуть изменил голос Александр Павлович.

– Нет, – уступил Феликс, полагая, что на этот раз начальство умнее его.

– Поезжай. Ты прекрасно знаешь, что нужно сделать.

– Знаю, – ответил Феликс. – Как обычно, гвоздь программы.

Незаметно для самого себя он принялся грызть сгиб большого пальца. Он всегда так делал, когда попадал в затруднительное положение. Конкретно, сейчас это затруднительное положение выражалось в больной голове и слабости во всём теле. Хотелось завалиться в постель поспать ещё минут шестьсот.

– Ну и ладушки, – обрадовался Александр Павлович. – Инструкции я тебе сбросил по почте. Это как раз по твоей части.

– А почему так рано, – удивился Феликс, – целых три дня?

– Целесообразней, – туманно пояснил Александр Павлович.

Странно, удивился Феликс, грызя костяшку пальца, такой спешки ещё не бывало. Неужели Соломка что-то заподозрил и провоцирует меня, подумал он вдруг и заволновался, чего за собой никогда не наблюдал. Нет, не может быть, ведь это же игра. Во-первых, я ни разу нигде не прокололся, а во-вторых, веду себя, как целомудренная девица, в-третьих, не возбуждаю ничьей зависти. Просто я нервничаю, решил он, и, отбросив эту мысль, как прах с ног, поинтересовался:

– Заварушка, от которой вздрогнет мир?.. – бодро сказал он в телефон.

– Что-то вроде этого, – согласился Александр Павлович. – Хорошая фраза для передовицы. Я всегда знал, что ты профессионал даже в три часа ночи. Далеко пойдёшь!

– Спасибо... – сказал польщенный Феликс. Всё-таки умеет начальник когда и где надо поджечь порох. Неплохой мужик Александр Павлович. Совсем даже неплохой, стану начальником отдела, буду с ним на равных виски пить, тогда он не посмеет будить меня ни свет ни заря и учить жизни.

В спальню падал тусклый свет фонарей, колыхалась штора, и сквозь открытое окно был слышим вечный шум вечного города. Кризис кризисом, а машины мчатся по-прежнему и по-прежнему не дают уснуть. Интересно, где все берут бензин? Мне положено по долгу службы, тихо радовался он, за меня платит фирма, а остальным? Неужели жгут свои клапана «самопалом». Самопальным бензином называли всю ту муть, которую продавали умельцы по обочинам дорог и которой можно заправлять разве что тракторы или ездить до тех пор, пока не застучит движок. И тогда прости-прощай, любимая техника. А по нынешним временам – это дорогое удовольствие, не для простого смертного.

Рядом под одеялом кто-то шевельнулся, обозначая голое плечо и золотистые локоны. Феликс вытаращил глаза. «Спокойно, Бонифаций, спокойно», – прошептал он, заикаясь.

Если фразу, почерпнутую из какой-то проходящей статьи, он запомнил и даже повторял раз десять на дню, то где подобрал девицу, хоть убей, не знал. Вот, бя, неприязненно по отношению к самому себе подумал он, видать, вчера я был хорош. Вообще-то девиц из баров и ресторанов я не цепляю, не в моих правилах. Последнее время он стал снобом, чуть-чуть брезгливым и чурался случайных знакомств, предпочитая старых приятельниц, надёжных и безотказных, как советские броневики. Но эта девица не из моего стойла, присмотрелся он. Точно, не из моего. Я её не знаю.

– Вот именно, заварушка на весь мир, – мерно, как асфальтовый каток, продолжал Александр Павлович. – Неплохая находка. Где взял?

«Где-где? – мимоходом думал Феликс, выскакивая из постели, как из проруби. – В Караганде». Но, разумеется, не произнёс вслух. К чему дразнить гусей, хотя с некоторого времени его так и подмывало ответить грубостью на грубость. Он вообще удивлялся, как долго терпит Александра Павловича и как тот так долго сидит в главных. Видать, он пил водку с кем-то повыше меня, рассуждал Феликс, и хотя задирали сотрудников в своей иезуитской манере и всем порядочно надоел, его не выгоняли и даже ко всеобщему огорчению не понижали, ему даже не ставили на вид за его фокусы, и он, разумеется, не знал удержу. Бывает же такое счастье – человек не знает своего горя. А всё потому, что лижет зад очень высокому начальству. Хотя мне-то что? Это же он лижет, а не я.

– Как насчет сверхурочных?.. – спросил Феликс, обходя необъятную, как поле, кровать и не отрывая восторженного взгляда от девицы.

Пятки у неё были похожи на пороссячьи пяточки – розовые, крепкие и задиристые. «Вот это да-а-а...» – подумал он, и девица вроде ничего, судя по курносому носику, даже симпатичная. Но он зря отвлёкся, потому что за всё надо расплачиваться, и за удовольствие – тоже.

– Опять ты за старое? – услышал он противный голос Соломки. – Сколько раз можно говорить...

– Ну а как же?.. – перебил он его, надеясь, что начальство всегда должно быть умнее подчинённых. – Вы, Александр Павлович, извиняюсь, вытаскиваете меня из постели в три часа ночи...

– Не в три, а в пять, – уточнил Александр Павлович безапелляционным тоном.

Похоже, ему было глубоко наплевать на это обстоятельство.

– У нас что, отменили трудовое законодательство, – зло любопытствовал Феликс, – или профсоюзы?.. Сегодня, между прочим, воскресенье.

– Нет, конечно... – признался Александр Павлович так, словно во всём был виноват исключительно один Феликс. – Но...

Хотя за окнами кризис был в полном разгаре, законов ещё не отрицали – их тихо игнорировали, кто хотел и как хотел. Выгнать с работы Феликса никто не мог, даже если бы очень и очень возжелал, потому что он был из касты неприкасаемых. Его работу курировали, он только догадывался, кто именно – учредители из Лэнгли⁷ и лично мистер Билл Чишолм. Пока я делаю всё правильно, меня не дёргают, думал он, а правильно я делаю всегда по определению. Таков «принцип благополучия». Чтобы его соблюсти, надо совсем немного: надо правильно ориентироваться в «новой свободе». Для этого достаточно Александра Павловича, а уж его-то я как-нибудь обедаю вокруг пальца.

Предположим, думал Феликс, учредители снимут Соломку, пришлют нового, возможно, ещё более худшего дурака, хотя куда уже хуже. Будет лезть из кожи вон, соваться во все дырки, бизнес мой испортит. Пока сработаемся, пока то да сё. Ещё неизвестно, как новая метла пометёт. А Соломку, если озверееет, можно прижать и другими способами, например в подъезде собственного дома. Но это запасной вариант, о котором лучше не думать, а спрятать в самый дальний уголок памяти. С другой стороны, стукачество в компании не поощрялось, хотя тот же самый Соломка имел подобный контингент, например Глеба Исакова. Впрочем, стучать можно только на тех, кто ниже уровня главного редактора. А так как Соломка демагог и любил красоваться, то и набор фраз у него, как у граммофонной пластинки, строго регламентирован. Мало того, он любит выражаться штампами. Как только кто-то из сотрудников газеты, а особенно Глеб Исаков, начинал говорить голосом Александра Павловича Соломки, становилось ясно, что этот человек из его команды. В обойме Александра Павловича были как женщины, так и мужчины, и судьба их складывалась по-разному: кому-то очень везло, и он, как в масле сыр катался, кому-то – нет, и он перебивался мелкими репортажами, мучаясь на безденежье.

---

⁷ Лэнгли – штаб-квартира ЦРУ.

Но Феликса это волновало меньше всего. Он находился как бы над битвой, даже над тем же самым Александром Павловичем, и подозревал, что в корпорации ещё есть такие же люди. Всё началось, когда Феликс Родионов учился и стажировался в Англии в тех же самых таблоидах: к нему приглядывались, должно быть, люди из политической разведки. Всех карт ему, конечно, не открывали, но он и сам догадывался. Ненавязчиво, в ресторане или на корпоративной вечеринке. Две-три фразы там, здесь, например, как я, например, отношусь к книге Джина Шарпа⁸, почившего недавно в бозе, или к патриарху американской политологии Збигневу Бжезинскому, тоже готовился отойти в мир иной. Хорошо отношусь. Улыбка красавицы, подаренная авансом. Но уже тогда Феликс понимал, что к чему, и наёмные красавицы его не интересовали. Сейчас это не компромат, а лет через пятнадцать, когда я стану большим и толстым боссом, ко мне придут с этими самыми фотографиями. Надо быть дураком, чтобы лезть в ловушку, даже если она никогда не сработает, но чем чёрт не шутит. Человек, который хочет сделать журналистскую карьеру, должен быть чертовски умён и сверхосторожен. Стандартных двухходовок он избежал, поэтому его стали прощупывать насчёт принципов. В основном этих людей интересовали его взгляды на общественно-политический строй России. А так как Феликс Родионов родился и вырос в те времена, когда критиковать правительство и президента было весьма и весьма модным, инет ещё не утратил своей новизны, а блогеры моментально становились кумирами толпы, то Феликс имел соответствующие взгляды: всё сломать и возродить заново, на почве «новой свободы». Он долго упивался «революцией». Возводил её в высший ранг благочестия. Презирал всех тех, которые ничего не поняли, за копошение и тупость. У него появился «принцип благополучия», чтобы его соблюсти, надо было делать всё, как положено. Его порой удивляло, что его мысли совпадают с мнением мистера Билла Чишолма, всё-таки мистер Билл Чишолм был большим человеком, годящимся ему в отцы. Должно быть, Феликс выглядел юношески максималистом, иногда глуповатым, иногда наивным, зато искренним. Это ощущение шло у него изнутри, но объяснить его он не мог, поэтому речи Нагульного его даже не волновали, а возбуждали. Он восхищался его напором и целеустремленностью, замешенными на сумасшествии. Русский Че! Позже ему цинично объяснили, что Нагульный – это всего лишь фигура времени, психопат, но нужный психопат, наш психопат, достойный психопат, исключительно ценный психопат, однако побочный продукт времени. Такие нервные люди в политике не приживаются, слишком много врагов они наживают. Когда Нагульный своё отработал и надобность в нём отпала, его заменили доброхотами, которым даже деньги платить не надо. «Ау! Нагульный и тебе подобные, где вы?» На смену пришла армия борзописцев. Разумеется, они были встроены в систему, а как же иначе. Отныне погоду делают совсем другие люди в средствах массовой информации – тихие и незаметные властители умов, и Феликс Родионов причислял себя к их числу, можно сказать, избранных, осененных дланью свыше. Такова была мода на обустройство общества. Мода, которую нежно взращивали и корректировали. Целая наука. А о том, что за всем этим стоят США, ЦРУ и другие мира сильного сего, Феликс старался не думать и не верил, хотя бы приличия ради и ради суверенитета страны, в которой жил. Какая-то гордость должна у нас остаться, порой думал он. Не полные же мы идиоты. Когда мы станем абсолютно своими в западном мире, все эти шероховатости исчезнут сами собой, утешал он себя, и не надо будет ни о чём ломать голову и испытывать комплекс неполноценности. Волшебные слова «новая свобода» до сих пор пьянили его. Ну а когда отменили закон «об иностранных агентах» и таким образом ликвидировали все препоны и разрешили работать зарубежным СМИ, общественным организациям, различным фондам, ассоциациям и союзам, существующим на зарубежные деньги, то дела вообще пошли на ура. Такие корпорации, как

⁸ Джин Шарп – американский общественный деятель, автор книги «От диктатуры к демократии» и пропагандист цветных революций.

«Единогласие», получили неограниченные возможности влиять на души читателей. И Феликс Родионов понял, что пришёл его звёздный час.

С некоторых времён он чувствовал себя незаменимым. Что бы там ни говорили, а ему льстило, что Соломка звонит посреди ночи не кому-нибудь, не подхалиму Глебу Исакову, своему любимчику и жополизу, а именно ему – жесткому и прагматичному Феликсу Родионову, несомненно, имеющему репортерскую хватку. Хотя и следовало его послать сразу же, как только я раскусил его гнилую сущность, но успеется, потерплю еще, думал Феликс, правда, последнее время меня так и подмывает огрызнуться, но с главного станется, он и мертвого заговорит до смерти. Посему неизвестно, где найдёшь, а где потеряешь. Спасибо за науку. А подсижу я не кого-нибудь, а именно тебя, дорогой Александр Павлович, а как, пока ещё не знаю.

Глеб Исаков – его извечный оппонент и враг. Человек, который переплюнул его во всех отношениях, человек без принципов, чести и совести, вот на кого я не хотел бы походить, с содроганием думал Феликс. Он уже давно догадывался, что учредители специально подбирали пару: плохой – хороший журналист, подхалим – трудяга, а потом их меняли местами, чтобы они не забывали, из чьих рук кормятся, чтобы конкурировали и боялись друг друга. Но я никому не дам ни единого шанса, думал он, они просто не получают его, потому что я чертовски, архичертовски умён и всегда и везде действую по принципу: «работа-должность-мнение начальства». А мой маленький, невинный бизнес – это всего лишь «на вино и девочек», иначе зачем ещё жить?

Феликс наклонился и посмотрел внимательней. Девушка была явно незнакома, но симпатичная до умопомрачения. Как раз в моем вкусе, решил он, с черными бровями и пунцовым ртом. Докатился, с долей гордости подумал он, выпрямляясь, не знаешь, с кем спишь, и пошлепал, как был в трусах, на кухню за пивом, рассуждая о том, что никакую другую не подцепил бы, а именно такую, которая подспудно нравится. Значит, инстинкты во мне действуют безошибочно даже в пьяном состоянии, и я хорош, хорош, возгордился он и кинул в свою копилку тщеславия ещё один бонус. А копилка та была уже тяжеловата, как мошна старьевщика, а ведь её приходится тащить по всевозможным житейским ухабам. Главное, чтобы она никогда не скудела. Вот в чём смысл жизни!

Между делом по пути он отмечал такие забавные детали, как разбросанное женское ажурное белье чёрного цвета. Очень сексуально, очень... думал он, и опять в моём вкусе. Значит, мы разоблачались, двигаясь от входной двери к постели, и компас у меня работал, как надо. Эта страсть, очень похожая на мою страсть. Странная девушка, положительно странная, но это ещё ничего не значит – не значит, что я действовал безрассудно. Может, она шлюха из бара? А с ними я по старой привычке дело до постели стараюсь не доводить, думал он о себе, как о бывалом, опытном и всепонимающем журналисте, познавшем жизнь до самых её основ. Чаще всего я их использую для сбора мелкой информации о клиентах и о их привычках, этим и ограничиваюсь, памятуя о том, что эти женщины особого класса. По нашим временам можно было влипнуть в любую историю. А в истории влипнуть Феликс не хотел. У него уже был печальный опыт по этой части. Из той «маленькой криминальной истории» его вытащил не кто иной, как Рашид Темиргалаев, владелец ресторанов и кабаре. Обошлось это Феликсу в десять тысяч долларов. Для Рашида Темиргалаева – пустячок, а мне хлеб с маслом, думал Феликс. Теперь он стал осторожным, как канатоходец над Манхэттеном. Ты идёшь над пропастью, внизу суетятся люди и машины, но ты идёшь, тебе начхать, они не имеют к тебе никакого отношения, и ты к ним тоже не имеешь никакого отношения, пока не оступишься. Вот так и в жизни: падение же может быть очень и очень жестоким, и многим стоить карьеры, если не жизни. Такую философию он исповедовал по этому поводу: путь одинок, труден и небезопасен, но это твой путь, ты сам его выбрал. Если ты не дурак, то ты дойдёшь до своих восьмидесяти или девяноста с хвостиком, а может, до всех ста – как повезёт, значит, ты всё правильно рассчитал. Такова стра-

тегия успеха. Своим мелким бизнесом он был вынужден заняться по двум причинам: чтобы отдать долг и чтобы продолжать вести тот образ жизни, к которому привык. О бизнесе мало кто знал, кроме Лёхи Котова, разумеется. Даже сердобольный Рашид Темиргалаев мог только догадываться, откуда Феликс берёт деньги. Но он в его дела не лез, слишком мелок для него Феликс Родионов.

– Если что-то раскопаешь, что-то особенное, например о зверствах армии, будут тебе сверхурочные... – выдавил из себя Александр Павлович обещание, как затвердевшую зубную пасту из тюбика, и отключился.

Но Феликс на собственном опыте знал, что выбить эти сверхурочные будет крайне сложно, ибо, как выражался Александр Павлович, кризис и форс-мажорные обстоятельства накладывают на нашу столичную жизнь существенные ограничения. Может, там действительно что-то интересное? – подумал он, кроме рядового выступления моджахедов. Я не знаю. А ещё Рыба склонен к забыванию того, чего обещал. И порой Феликс мечтал найти себе место в иной газете. Один раз он уже шанс упустил, когда оказался «рукопожатым». А шанс был, ох, как хорош. Для нашего брата журналиста наступили не самые лучшие времена, и поэтому я, думал он, терплю Александра Павловича по кличке Рыба. Кстати, насчёт клички, я никому ещё не говорил, кроме Лёхи, разумеется. Это был мой последний козырь и мой последний редут на случай открытой войны, которую я проиграю в два счёта.

– Мне оставь... – услышал он за спиной и поперхнулся.

Пока он откашливался, она переминалась на прохладном полу, и на ней были только крохотные трусики чёрного цвета и его голубая рубашка. А ещё у неё были маленькие, аккуратные ступни. Он сделал вид, что каждую ночь видит у себя в квартире таких шикарных девиц.

– На... – он протянул бутылку с пивом, не скрывая своего восхищённого взгляда.

Он сразу её оценил. Пахло от неё очень даже приятно. А ещё у неё была обалденная кожа, и сложена она была с тем изяществом, которое ему тоже нравилось в женщинах, и он знал, что такие женщины встречаются очень и очень редко и все наперечёт. По крайней мере, в его картотеке таких не было. Редкая птичка, решил он, по-ро-дис-тая. Как она залетела в мою клетку? Но вспомнить, хоть убей, ничего не мог. Память как будто напрочь отшибло.

Пока она пила, задрав в потолок острый подбородок, он с жадностью разглядывал её. У неё была шея с призывными, голодными ложбинками и выпирающие из-под рубашки ключицы, за которые при желании можно было крепко уцепиться или налить по глотку воды. Ну и ложбинка между ними тоже притягивала взгляд, и Феликс проследил жадным взглядом, во что она переходит плавно и нежно – в то, что порой мелькало в разрезе рубашки. Надо ж, затащить такую в постель! Он даже мог собой гордиться по этой части, но не знал, стоит ли, потому что абсолютно не помнил момента близости, стало быть, для него всё впереди.

– Чего смеёшься? – спросила она, опорожнив бутылку и возвращая её таким жестом, словно делала ему одолжение.

– Да так... – смутился он, отводя глаза от её груди и чувствуя, что возбуждается.

– Ого! – лукаво заметила девица, не без интереса обнаружив этот факт.

Впору снова было бежать в постель, но перед ним всё ещё маячило белёсое лицо главного редактора. Он вопросительно посмотрел на неё, она – на него, и всего-то надо было молча сделать один шаг и обнять её. Но он задал глупый вопрос и этим всё испортил:

– Как тебя зовут?

Может быть, если бы он не задал этот вопрос, а они бы вернулись в спальню, ничего последующего, что произошло, не случилось бы. Окунулись бы в страсть. Потом он бы вызывал такси, и девица укатила бы на все четыре стороны, так и не сообщив своего имени. Но Феликс, как всегда, свалил дурака. Была у него такая неискоренимая черта, с которой он безуспешно боролся, плохая реакция при виде красивых женщин, некий внутренний стопор, ожидание

знака большой любви, о которой он и мечтать перестал. Вот он и мучился, вот он и искал её, но не находил и все чаще застывал вот так, как восковая фигура в музее мадам Тюссо.

– Лора... – произнесла она таким контрально, что глаза у него полезли на лоб второй раз – её имя как раз ложилось в звуковой ряд: «Л-о-р-а...» Чудесно! Необычно! Божественно-о-о!!! У него перехватило дыхание. Сердце свалилось куда-то в мошонку. Колени подогнулись.

Нет, подумал он, так не бывает, это сказка, мне чудится, я ещё сплю, и с огромным любопытством посмотрел на неё. А ещё у неё была умопомрачительная привычка дуть себе на густую чёлку, отчего она казалась живой и шевелилась сама по себе. Боже мой! – подумал он, я сейчас умру! Это сказка, чудо из чудес! Но он всего лишь произнёс банальное:

– Ого... – и подумал, что сейчас она попросит закурить.

Но Лора сказала, блеснув прекрасными глазами:

– У тебя пожрать есть?

– В холодильнике, – ответил он немного оторопело и подался от греха подальше в ванную не только для того, чтобы почистить зубы, но и чтобы собраться с мыслями.

То это или не то? – со слабой надеждой думал он. Большая любовь или не любовь, а просто собачья страсть? Нет, мучился он сомнениями, не может быть. Так просто и буднично в моей квартире. Почему же не звонят колокола и не бьют в литавры? Почему? Почему не поют ангелы и шестикрылые серафимы не посылают мне божественный знак? Почему? Почему моя скромная квартира не освещена хрустальным светом, а с потолка не льётся елей? Спокойно, Бонифаций, спокойно. И тут же спустился с небес на землю. Ах, да, забыл ещё небольшую деталь, думал он. Грудь у неё тоже очень даже красивая. Крепкая, острая, как вершина Джомолунгма. И у меня такое ощущение, что я уже пробовал её на вкус, и с удовольствием попробовал бы ещё раз. Но момент был упущен. Кстати, цинично подумал он, если она проститутка, то должна потребовать деньги. Что-то на эту тему он даже стал припоминать, но весьма смутно, как будто они оговаривали этот вопрос, но не пришли к единому мнению.

– Слушай... – сказал он, вынимая зубную щётку изо рта и выглядывая из ванной, – кажется, мы где-то встречались?..

Она стояла возле стола, как цапля, на одной ноге и стремительно пожирала его холодные котлеты, которые приготовила ему мама. Надо ли упоминать, что по нынешним временам всё было в страшном дефиците, даже в столице Родины.

– А ты, Феля... – сказала она ехидно, облизываясь, как голодная собака, – снишься мне каждую ночь... – При этом она сочно причмокнула, изобразила что-то подобие страсти, и её пышные волосы шевельнулись, словно от ветра.

Феликс едва не подавился зубной щёткой и долго кашлял, уставившись в раковину. Ничего себе заявочки, думал он, глядя на себя в зеркало. Откуда она знает моё имя? Должно быть, вчера по пьянке сболтнул, видишь, морда перекошена, как от кислого. Станный осадок в душе никуда не делся, словно он, Феликс, вчера совершил оплошность, за которую должен расплатиться в самое ближайшее время. Нет, так мы не договаривались, решил он, это не по правилам. Правила всегда устанавливаю я, а здесь какой-то кавардак, игра, непонятно, в какие ворота. Сейчас дам денег и пусть проваливает, решил он.

Когда он вышел из ванной, все его благие намерения улетучились, как утренний туман. Она уже была одета в потёртые джинсы-стрейч моряцкого покроя, в тёмно-синюю блузку с длинными рукавами и в какой-то легкомысленный шарфик на шее. В одежде она смотрелась не менее потрясающе, чем обнаженной. Бывают же такие девицы, в любом виде выглядят сексапильно на все пять с плюсом. Предчувствуя собственную гибель, он отметил этот факт и поставил ей большой жирный плюс, а в свою копилку тщеславия кинул ещё один бонус: затащить такую девицу в постель – подобно подвигу Геракла. Впрочем, в его гроссбухе напротив её строки уже стояла пара маленьких плюсики, и Феликс готов был поставить ещё пару покрупнее, если она ещё чем-нибудь его удивит, что, собственно, она не преминула сделать, когда они

уже вышли из подъезда и сели в его старенький «Опель» серебристого цвета, под капотом которого на заводской табличке было написано: «Adam Opel A.G. Rüsselsheim am Main». Это означало, что автомобиль сделан в январе две тысячи пятнадцатого года акционерным обществом «Адам Опель» в городе Рюссельсхайме на Майне, крохотном немецком городке, расположенном в земле Гессен, в живописной холмистой местности недалеко от того места, где сливаются реки Майн и Рейн. К сожалению, ни завода «Адам Опель», ни городка Рюссельсхайм в настоящее время не существует. Что там вообще осталось после «великой европейской катастрофы», никто не знает. А командировку Феликсу туда не выписывали за дальностью и дороговизной, и он, как и все, довольствовался слухами. А слухи были не самыми радужными. Плохо было то, что Германия, как страна, едва ли дышала на ладан в своём привычном статусе колыбели Европы. Там теперь колобродят левые, правые, турки, арабы всех мастей, как, к сожалению, и в других странах, например во Франции, где арабы в эйфории сбрасывали местный люд с Эйфелевой башни и побивали всех желающих камнями. Впрочем, какое нам дело до Европы, думал он, они сами наравались, зато у нас «новая свобода». И опять мы впереди планеты всей.

– Куда тебя отвезти? – спросил он, стараясь не смотреть на её призывно улыбающийся рот. Что-то такое она хотела ему сказать, отчего он должен был умереть, однако промолчала, отделившись многообещающей улыбкой.

Дело в том, что он мог и не устоять, а это не входило в его планы на сегодняшнее утро. Хватит с меня страданий, решил он, стискивая зубы и заворачивая себя в тугий клубок воли. Его ждали аэропорт и длинная дорога. И вообще он не любил, когда им управляли, хотя бы исподволь, с тонким изяществом красивой лгуны и оболстительницы. Правда, это не значило, что он считал себя жертвой, но и лицемерить тоже не хотел.

– Ты, Феля... – сказала она с величием, достойным королевы, подкрашивая губы и поправляя копну волос цвета спелой ржи, – мне должен...

– Сколько?.. – разочарованно хмыкнул Феликс, поспешно дернувшись от ключа, который вставлял в зажигание, к карману, где лежал бумажник.

Всё встало на свои места. Он даже вздохнул с облегчением, хотя и обманулся в своих лучших чувствах: нет в мире бескорыстия, нет и не было, как, впрочем, и большой любви. Миф всё это. Сказки для дураков. Ба-сен-ки!!! Разочарованию его не было предела: мир давно и безнадежно погряз в лицемерии, мало того, он плескался в этом лицемерии, возводил его в ранг высшей доблести и поклонялся ему, как идолу. Таковы были нравы, таковы были правила игры. Это ли не пример, подтверждающий прописные истины. Он покосился на рыжую чёлку, под которой искрились карие глаза, но почему-то не желал разочаровываться, и сердце его тревожно билось, как не билось никогда в жизни. Мало того, он готов был впиться в этот алый рот, и страсть бунтовала в нём.

– Ха! – воскликнула она презрительно, усмотрев в его жесте унижение. – Феличка... дорогой... – она говорила так, словно была мудрее и опытнее его, – неужели ты не понял, что это было по любви... ты не находишь?.. – она дунула на свою чёлку, которая взлетела, как пушистое облако, и опустила на место.

Сердце его ёкнуло ещё слаще. Как долго, оказывается, он ждал именно такого мгновения – всю жизнь, не меньше, и, должно быть, дождался, потому что через мгновение обнаружил себя страшно изумлённым да ещё и с открытым ртом. Лора засмеялась, заставила-таки его покраснеть, и он растерялся и не знал, то ли ставить ей ещё один плюсик, то ли кидать бонус в свою копилку тщеславия. Ах, как давно с ним не случалась эта самая любовь! Она осталась где-то там: на первом или втором курсе универа, в школе, а еще раньше – в песочнице, где он играл во дворе, и на радостях за такие речи Феликс готов был страстно расцеловать её, лишь бы только она подтвердила исключение из правил, но она вдруг добавила абсолютно трезвым голосом:

– Я еду с тобой! – и всё испортила.

– Зачем?.. – не понял он. – Куда?.. – он вообще забыл, что должен делать, и медленно дефилировал в сторону реальности.

Ба! Рассудок взял верх. Феликс вдруг покраснел ещё гуще: это был финал комедии. Мы знакомы, вспомнил он. Это было на корпоративной вечеринке полгода назад. Тогда она блистала в обществе учредителей, издателей, генеральных и главных. Каким-то образом она очутилась рядом с ним в баре. Да, я помню, что вёл себя, как высокомерный болван. Мы чокнулись, выпили коктейль и обменялись ничего не значащими колкостями, потому что страшно понравившись друг другу, но не хотели в этом признаться, потому что находились на разных полюсах большой, сложной машины под названием «журналистская конкуренция». Я даже не помню, припоминал он, чем же она меня тогда удивила? Нашла, что называется, коса на камень. И вообще работа в конкурирующих фирмах накладывала на сотрудников обязательства. Я служу в «Единогласии», она – в «Свободном мире». Нельзя сказать, что мы явные враги, но стоим по разные стороны баррикады: «Единогласие» за «новую свободу», а «Свободный мир» – за патриархальную Россию, но с новым укладом, поэтому мы и не праздновали друг друга. Вот откуда я её помню, её чёрные, как маслины, глаза и рыжеватую пушистую чёлку, которую она имела привычку раздвигать, как павлин хвост, к месту и не к месту. А шикарные ноги, как у лучших фотомоделей? За одни только ноги можно было отдать богу душу. Звали же её на самом деле не Лора, а Лариса Максимильяновна Гринёва – восходящая звезда «Свободного мира» и «секс-символ» этой же газеты. Так, по крайней мере, утверждалось на глянцевых обложках гламурных журналов и на вестниках самых модных тусовок. Так вот кого я неожиданно-негаданно подцепил вчера, понял он и невольно застонал, словно от зубной боли, потому что это была даже не большая, а сверхбольшая ошибка и очень непростительная ошибка, подобная «Титанику». Точнее, ошибок было две: первая – всё это неспроста, а заговор (Феликс не любил историй с неясной концовкой), вторая – Гринёва ему понравилась, настолько понравилась, что он даже целую неделю думал о ней, и это при той ситуации, что девушек вокруг пруд пруди, стоит только поманить пальцем. Теперь надо держать ухо востро, ведь не из-за любви же она прыгнула в мою постель? Конечно, нет. Я знаю, что она цинична и спит с их главным. И я ни на секунду не обольщаюсь на свой счёт. Зачем ей какой-то журналист, пусть даже он и хорош собой: с твердым взглядом и внешностью киногероя? При этой мысли ему пришлось выкинуть из копилки тщеславия сразу десять бонусов. Но легче от этого не стало. Значит, и здесь тонкий расчет с дальним прицелом. Ведь я тоже считаюсь самым перспективным и модным, перед которым открываются самые что ни на есть крепко запертые двери. Неужели она думает раскрутить меня на какой-нибудь ерунде типа любовь? Не выйдет! Он вздохнул, как перед прыжком с парашютом. Циничность, которой он был заражён не меньше любого столичного журналиста, снова поднялась в нём тёмной, мрачной волной.

– Всё! Вылазь! – потребовал он, останавливаясь там, где было запрещено. – Приехали!

Она посмотрела на него с удивлением, как на полного идиота, сбежавшего из Кашенко:

– Фелюшенька, ты что? Хочешь оставить меня одну на улице в три часа ночи?

Они находились на Смоленском бульваре. Бледная луна висела над городом. Редкие прохожие выгуливали собак. Вот-вот должен был загореться зелёный цвет, и сзади уже нервно сигналили.

– Ну, во-первых, уже не ночь, – напомнил он и посмотрел наружу: серые весенние сумерки наполняли его старый, знакомый район Пречистенки, в котором он провёл детство, юность и отроческие годы. С восходом солнца начнётся жара, которую он, как северный человек, плохо переносил. – До метро здесь пара шагов. А во-вторых, не называй меня Фелюшенькой! – заволновался он.

– Феля, ты забыл, что метро ещё не работает? – капризно напомнила она и скрестила свои шикарные ноги, которые даже в джинсах не вызывали никаких благородных чувств, кроме вожделения.

Он не стал возражать – глупо, если женщина не хочет выходить из машины, не вытаскивать же её силой. Народ сбежится. Советы будет давать.

– Я тебя очень прошу, – сказал он, передумав ставить ей очередной жирный плюс в своём гроссбухе, – не называй меня Фелюшенькой, Фелом, как угодно, но только не Фелюшенькой.

– Почему же, Фелюшенька? – издевательски удивилась она. – Мне нравится.

Он чуть не зарычал от бешенства и не укусил руль. Насколько он не любил телячьи нежности, настолько же не хотел вспоминать своё детство, потому что его воспитывали в казарменных условиях жизни военного: лагеря, походы, лыжи, бег, гимнастика, и когда наконец он вырвался из-под родительской опеки, то быстренько наверстал всё то, что упустил в детстве и в ранней юности, – свободу, пьянящую, бескрайнюю свободу, поэтому из принципа не пошёл по стопам отца, а занялся тем, что ему казалось интересней всего, – журналистикой. Всё это промелькнуло в голове у Феликса, и он с испугом покосился на Гринёву, не угадало ли это чудовище его мысли: в её чудесных глазах, глубоких, как бездонный колодец, плавал и искрился смех. Она была очень уверена в себе, словно заранее знала результат своих ухищрений.

– Потому что меня всю жизнь называли так в детстве, и мне это ужас как надоело, – неожиданно для самого себя признался он и покрылся холодным потом. Ещё никому из девиц не удавалось низвести его до подобных откровений, потому что в его понимании они не должны были знать его слабости.

– Хорошо, Фелюшенька, – беспечно согласилась она и дунула на свою шикарную чёлку, – поехали!

– Куда? – мрачно буркнул он, хватаясь за руль двумя руками, словно за соломинку.

Сердце бешено колотилось, ноги стали, как ледышка, на лбу выступил холодный пот. Гринёва несомненно была ведьмой, но такой, от которой во рту становилось сухо, а голова шла кругом. Что случилось, лихорадочно думал он. Что? Вертит мной, как хочет.

– Так, куда тебя вызвали? – произнесла она беспечно. – На твое задание. Ты ведь не просто так был готов оставить меня в постели одну в три часа ночи?

– Нет, – упёрся он, хотя ему было очень жаль расставаться с ней, – просто скажи, где ты живёшь, я тебя подкину, – пошёл он на компромисс.

– Или... – произнесла она загадочно, – ты меня берёшь с собой, или... – поведала она с милой непосредственностью шантажистки и кокетливо закусил губу.

– Или что?.. – промямлил он, совсем не ожидая такого поворота событий.

Незаметно для себя он сунул в рот сгиб большого пальца и грыз его, грыз, грыз, грыз.

– Или я сейчас позвоню начальству и узнаю, что назревает за «стеной». Ведь ты же об этом говорил со своим шефом?

– Хорошо, хорошо, – согласился он, прибавляя газ, – только это задание находится совсем не в городе.

Господи, что я болтаю, подумал он, это же военная тайна, Соломка меня убьёт.

– А где? – удивилась она и подула на свою чёлку. – Дай догадаюсь. Что-то случилось со «стеной»?..

– Ну да... – сглотнул он слюну, замороженный её голосом, воздушным движением чёлки и блестящими глазами, которые сулили вечное блаженство.

– Да, точно! – решительно произнесла она. – Ты говорил о заварушке. Значит, что?..

Она издевалась с хитростью обольстительности, и Феликс чувствовал, что ещё чуть-чуть, и он ляпнет что-то вроде того: «Я тебя люблю» или «Прости меня, идиота, я полный болван, я был слеп и глуп, я безоговорочно сдаюсь на милость победительнице, и делай со мной, что хочешь». Он бы так и вякнул, но чувство самосохранения останавливало его. Надо было держать оборону любыми способами, однако силы были явно на исходе.

– Моджахеды должны прорваться, – выдал он тайну и едва не откусил себе язык, который, казалось, действовал по своей воле.

Господи, чего я несу, подумал он, холодея всеми частями тела. Такую информацию можно было подарить любой другой девице, чтобы произвести впечатление, но только не Ларисе Гринёвой. Это всё равно, что бросить спичку в бочку с бензином. Что делать?!

– Ах, вот в чем дело! – обрадовалась она и подула на свою шикарную чёлку. – Тогда тебе действительно лучше высадить меня у ближайшего метро.

– Я могу довезти тебя до дома.

Его покорило, что Гринёва моментально стала прагматичной, как все другие девицы из его стойла.

– Не надо, опоздаешь на самолёт, – сказала она абсолютно трезвым голосом и принялась собираться, проверила сумочку, достала телефон, но звонить передумала: – Куда мы, собственно, едем?

Даже голос её неузнаваемо изменился и потерял тот волнующий тембр, который воздействовал на Феликса не хуже волшебной палочки мастера Олливандера. В своё время Феликс зачитывался романами «Хоббит», «Властелин колец» и в душе, оказывается, остался вечным романтиком.

– На Киевский, – проямлил он, грызя костяшку пальца. Всё было кончено. Очарование ночи растаяло как дым. – Там Лёха Котов живёт... – добавил он постным голосом.

Лёха Котов действительно жил на Можайском Валу. Иногда они заседали у него в берлоге, заполненной пустыми бутылками и кино-видео-фотоаппаратами всех моделей и систем, ибо Лёха Котов был фанатом своего дела и безумцем, когда речь заходила о фотографии.

– Вот там меня и выбросишь! – заявила она и подула на свою забавную чёлку, но это было уже данью всего лишь привычке, а не очередной попыткой сбить с панталыку Феликса Родионова, хотя эта её привычка действовала на него, как заклинание факира на кобру. Каждый раз, как только её шикарная чёлка взлетала, Феликс терял дар речи, а если Гринёва ещё бралась за своё контрольное, то он вообще таял, как мороженое на асфальте в августе где-нибудь в Крыму.

– Только я тебя очень прошу, – попросил он, объезжая выбоины на дороге, – не выдавай меня, а то ведь сожрут и не подавятся.

Господи, что я делаю, что я делаю? – вопрошал он сам себя и не находил ответа.

– Не бойся, Фелюшенька, – очаровательно пообещала она, глядя на него своими искристыми, карими глазами, брызжущими темпераментом. – Я скажу, что мне позвонили из Европы.

– Кто?... – упавшим голосом спросил он, потому что в подобную ложь могли поверить разве что весьма наивные люди, а таких в редакциях не держат. В редакциях держат пронырливых и дотошных людей с железной хваткой волка. Ягнята там не водятся.

– Ну, например... знакомый из Турции. Мало ли у меня знакомых на той стороне.

Всё, понял Феликс, я пропал. Это ж надо так вляпаться. Кто поверит в такое совпадение: знакомый звонит из другой страны, чтобы предупредить журналистку о готовящемся выступлении моджахедов.

– Почему ты мне не доверяешь? – спросила она, заметив его кислый вид.

– Потому что на кону моя работа и жизнь.

И пять он поймал себя на том, что никогда не говорит с таким пафосом. Не свойственен ему пафос от рождения.

– Ты проживёшь сто лет, – пообещала она, – а с твоей работой ничего не произойдёт. Я сделаю всё так, что комар носа не подточит.

Обвела-таки, обвела вокруг пальца, подумал он, холодея от дурных предчувствий, обвела, не задумываясь о последствиях, а мне расхлёбывать.

Гринёва снова подула на свою шикарную чёлку, потом посмотрела на него так, что его бедное, измученное сердце бессильно ёкнуло, и он сдался на милость победителя: ещё одно её

слово, и он признается в любви, в беспомощности, в беспредельной покорности и растечётся у её ног подобно луже патоки и будет там лежать и исторгать фимиам.

– Не бойся, я тебя не сдам, – ещё раз заверила она его, абсолютно ничего не замечая.

Всё равно через пару дней их газета кого-то пришлёт, утешил он себя, и всё равно они будут писать о прорыве. Однако от этих мыслей легче не стало, опростоволосился он дальше некуда, а на кону «военный отдел».

– Ладно... – слезно попросил он, вспомнив с некоторым облегчением, что Соломка прокололся, обсуждая такие вещи по телефону. Пусть сам и расхлебывает, решил он. – Только, чур, меня не подводить и имя моё не светить, а то меня начальство сожрёт с потрохами и не подавится.

Она засмеялась своим чудесным смехом, с тем низким контральто, которое ему так нравилось и которое делало его безвольным, потом потянулась и поцеловала его с милой непосредственностью в щеку. Он ощутил запах её волос, помады и понял, что когда тебя так целуют, ты не способен к рассудочной деятельности, и все его благие намерения полететь на Кубань и честно отработать свой хлеб рассыпались прахом. Нет, конечно, я поеду, думал он, и всё сделаю, как положено, но это будет уже работа из-под палки, потому что, кажется, у меня появилась другая, более волнующая проблема, чем прорыв несчастных моджахедов. И проблема эта, надо сказать, весьма и весьма соблазнительна. Признаюсь, за эти несколько минут я уже забыл, как эта проблема выглядит в постели, и я снова готов отправиться туда и решить эту проблему сызнова. К тому же, чего греха таить, Лора, думал он, мне чертовски нравилась ещё до того, как мы поцапались на корпоративной вечеринке. Я даже думал о ней некоторое время, потом, правда, забыл настолько хорошо, что ей удался фокус с прыжком в мою постель. Но теперь, надеюсь, всё изменится. Он немного успокоился, и они ещё быстрее понеслись навстречу судьбе.

Лёху Котова они подобрали на Лушнёвке. Без него Феликс никак не мог. Во-первых, Лёха должен был всё профессионально заснять, а во-вторых, он давно был живым талисманом их тандема. Расследования, проведённые в компании с ним, получались легко и изящно, на одном дыхании. А самое главное, они дружили давно, лет пятнадцать, ещё со школы, и водки перепили немерено. На Лёху можно было положиться. Местами Лёха был парень-кремьень.

Разумеется, Феликс рисковал, представив ему Гринёву, потому что по своей природе Лёха Котов был неисправимым бабником, в этом вопросе он перещеголял даже Феликса, и женщины вились вокруг него, как осы над вареньем. Чем же ты их берёшь? – часто задавал вопрос Феликс. Но Лёха Котов хранил глубокомысленное молчание, даже в подпитии не выдавая свою тайну, а объяснял феномен всего лишь природным обаянием. Феликс ему не верил. Какое может быть обаяние, если бог не наделил Лёху ни ростом, ни приличной физиономией, ни богатырскими плечами, разве что – лёгким характером. Но поди разгляди этот характер первые семь с половиной минут? Но именно в это время, не больше и не меньше, Лёха укладывался блестяще, как профессиональный ловелас.

– Фу-у-у... – произнес Лёха, вваливаясь с вещами на заднее сиденье и на первых парах вовсе не замечая Гринёвой. – Приве-е-ет... – пропел он таким тоном, когда хотел сообщить, что у него всё в полном порядке и что он тоже не доволен ранними сборами. Именно таким Феликс и воспринимал Лёху – бодрым, неунывающим живчиком, с животиком и короткими ножками, готовым к любым подвигам, лишь бы куда-нибудь нестись, разрезая фарами ночной туман.

– Привет... – ответила Гринёва, глянув на него в зеркало заднего обзора.

И тут он, конечно же, её увидел. Сказать, что Лёха впал в ступор, значит, ничего не сказать. Естественно, он вытаращил глаза, и несколько мгновений его глотка рождала нечленораздельные звуки, какие может рождать только младенец. Только эти звуки были ещё и восторженными. Казалось, такой шикарной пшеничной чёлки, чёрных-чёрных бровей и алых губ он

в жизни не видел. Впрочем, это у него было всегда: при каждой новой юбке он словно заново рождался и вначале, как пойнтер, делал стойку. Феликс только зверски завидовал: так естественно даже он не умел маскировать свои намерения.

– Ёх!!! – только через целую секунду у Лёхи прорезался голос. – Это твоя знакомая?! Фел, это твоя знакомая?! – произнёс он на высокой ноте и полез между передними сиденьями, и если бы мог, то упал бы на колени Гринёвой, но зацепился, естественно, животом и захихикал глупо, как гиппопотам в болоте: – Господи! – орал он. – Но почему мне так не везёт? Почему я такой несчастный? Почему я такой маленький, плюгавый и никчёмный? Почему я всегда опаздываю, а все красавицы достаются этому охладону?

– Э-э-э... – добродушно сказал Феликс. – Осторожней на поворотах и сядь на место, ты мне мешаешь.

Лёха захихикал ещё глупее, угнездившись позади, однако сунул свою ряшку вперёд и бесцеремонно принялся разглядывать Гринёву:

– Везёт же людям! Везёт же!.. Эх... Девушка, а девушка, а который час?..

Естественно, у него случился словесный понос, и он исторгнул на Лору Гринёву такой поток комплиментов и так дёргался и прыгал на заднем сиденье, что пару раз треснулся головой о потолок салона, прикусив язык, но и это не охладило его пыла. Впрочем, кажется, Гринёва сама была в диком восхищении. Остаться равнодушной и не поддаться обаянию Котова мог разве что манекен. Гринёва тоже стала глупо хихикать и поддакивать на той же самой идиотской ноте, что, мол, только и слышала о Лёхе как о человеке и профессионале только самые превосходные комплименты. И через пару минут Феликс понял, не просто ревнует к Лёхе, а дико ревнует, да ещё и с огромным желанием заехать ему в морду. С чего бы Лёхе иметь такой успех, с его-то внешностью. Однако с кем бы Феликс ни разговаривал, с кем бы ни общался, все, как один, утверждали, что Лёха Котов – это высокий, гибкий, как тростник, брюнет с ястребиным проникновенным взглядом или, наоборот, блондин со стальными мышцами и громкоподобным голосом. Не знаю, неприязненно думал Феликс, ведя машину по набережной, как по морю, по-моему, глаза у Лёхи водянистые и блеклые, а сам он маленький и толстенький с битой-перебитой мордой, потому что вечно лезет не в свои дела, в общем и целом вылитый Санчо Панса, только без осла. Осёл у него где-то в сумках спрятан.

Но тем не менее, он запоминался именно таким – высоким, непобедимым брюнетом с талантом обаять. Таким вот талантом обладал его друг Лёха Котов, и с этим явлением ничего нельзя было поделать, а надо было принять как должное и смириться.

– Скажите! Скажите! – никак не мог успокоиться Лёха. – Где я вас видел?! Ну где?! – он подпрыгнул от избытка чувств и ещё раз ударился макушкой о потолок, и ещё раз прикусил себе язык.

Гринёва засмеялась своим грудным смехом и отвечала так, словно была королевой, а он её пажом:

– А вот и не скажу... а вот и не скажу...

В общем, Феликс сразу понял, что заигрывать она умеет и делает это весьма искусно. Но Лёху так просто провести было нельзя. Он был стреляным воробьём и знатоком по женской части.

– Всё, вспомнил! Ёх... – хлопнул он в ладоши, и морда его засияла, как начищенный пятак. – Фотосессия в Сокольниках!

И Феликс понял, что, кроме их газеты, Лёха подрабатывает в столичных журналах. Это была тайна Полишинеля, о которой Лёха ничего не рассказывал, потому что стоял на позиции: «Немного хитрости никогда не помешает». Впрочем, он был свободным художником, и подобные фотосессии были его личным делом. А ещё у него была очень хорошая черта характера – на него всегда и во всем можно было положиться, в этом плане он был надёжным, как «Опель» Феликса. Стоит ли упоминать, что родом Лёха Котов был из Санкт-Петербурга, но

с тех пор, как перебрался в столицу, хотя и не находил, что она лучше его родного города, и, кажется даже, тосковал по нему, но это никоим образом не отражалось на их дружбе. Впрочем, адаптировался он так же быстро, как Феликс, например, успевал вымыть руки перед обедом. В этом отношении он был человеком мира.

– Слушай! – заорал он, переключая своё внимание на Феликса. – Ёх... Что там Рыба твердил о «стене»? Я ничего не понял!

Феликс так на него глянул, что Лёха понял, что обмешурился, смешно прикрыл рот ладонью и произнёс:

– Всё... понял... о работе ни слова. Брат, прости, сваял дуру. Но всё равно, – он с обожанием взглянул на Гринёву, – она узнает! Правда ведь? – Он заглянул ещё дальше, туда, где мягкая ложбинка терялась под верхней пуговицей блузки.

– Правда, – ответила Лора, ничуть не стесняясь. – Я уже знаю.

– Вот как?! – вопросительно посмотрел Лёха на Феликса, словно поймал его на воровстве.

– Дама нас покидает, – безапелляционно произнёс Феликс, останавливаясь возле метро.

– Хм!.. – Лора Гринёва бросила на него взгляд победительницы и выпорхнула наружу, оставив на память слабый запах тонких духов.

«Цок-цок-цок» – она удалилась подобно королеве, не оглянувшись ни разу, – лёгкая, воздушная, божественная и бесподобная. И ноги обалденно, и попочка при том при всём в одном едином и неповторимом порыве мелькнули в толпе и пропали. Надеюсь, я её больше не увижу, с неприязнью подумал Феликс и, как всегда, ошибся. Лёха, высунувшись в окно и чуть не сломав шею, проводил взглядом Гринёву:

– Кто она?.. Кто?! Ну ты, брат, даёшь!.. – уставился он на Феликса.

– Фея, – с облегчением вздохнул Феликс, грызя костяшку пальца, – коварная и соблазнительная...

– Ёх... Везёт же идиотам! – в который раз высказался Лёха, с завистью нахохлившись на заднем сиденье среди своего барахла. – А мне такая ни разу не попадалась.

– Сплюнь, – посоветовал Феликс.

– А что, надо? – оживился Лёха.

– Надо, надо, – многозначительно признался Феликс.

Лёха Котов опустил стекло и харкнул так, что от его плевок «БМВ» в соседнем ряду возмущённо просигналил три раза.

– Ты что, дурак? – спросил Феликс.

– А то! – гордо ответил Лёха и опустил стекло. – Ёх...

Феликс водрузил на крышу «маячок», и они понеслись в Домодедово, потому что уже опаздывали.

Глава 3

Бой местного значения

Эфир потихоньку замолкал. Теперь связь казалась далёкой-далёкой. Герман Орлов и на этот счёт прошёлся с вполне серьёзным лицом:

– Как в Брестской крепости...

– Да ладно... – не поверил Лёва Аргаткин и внимательно посмотрел на него, чтобы проверить, шутит или нет, потому что от таких шуток охватывала дрожь.

– Я тебе серьёзно говорю, – заверил его Герман Орлов. – Началась большая Кавказская война.

Но ему никто не поверил. Все знали, что Герман Орлов большой фантазёр. А Олег Вепрев осуждающе заметил:

– Хватит разводить панику!

На всякий случай Севостьянихин приказал убрать лишних людей с крыши. Оставил на верхних этажах лишь двух снайперов да двух пулемётчиков, которые держали фланги.

Игорь спустился в подвал и обнаружил там командиров «диких гусей» в полном составе. Они играли в карты и пили. По их лицам было видно, что они страшно недовольны жизнью и заливают её коньяком, чтобы она не дала ещё одну трещину.

– Капитан, передай майору, что мы после обстрела уйдём! – заявил полковник Примогонов.

Был он лыс, толст и здоров, как буйвол. Под майкой бугрились жирные мышцы. Ощущение было такое, что человек сам себя загнал в ловушку и потерял совесть. Если попрёт, подумал Игорь, не остановишь, лёгок я стал, не справлюсь.

– Всенепременно! – фальцетом выкрикнул майор Доценко из Москвы.

Этот майор был начальником одного из РОВД и ему для продвижения по службе срочно нужна была «боевая» награда, которой можно было кичиться. Однажды Игорь собственными ушами слышал, как майор Доценко спорил до хрипоты, что лучше – «орден Мужества», или медаль ордена «За заслуги перед Отечеством», или медаль «Жукова», или же, на худой конец, медаль «Суворова». Оказывается, майора волновало, за какую из наград пожизненно платят деньги. «За Героя России, – объясняли ему, – а за всё остальное – собственной кровью». Такая постановка вопроса Доценко явно не устраивала, и он ответил: «Я теперь пальцем не пошевелю, нашли дурака». И разумеется, валял ваньку при первой возможности. Севостьянихин вообще и давным-давно «забил» на «диких гусей», и они существовали сами по себе, никто ими не командовал, никому они не подчинялись, считались командированными, повышающими боевой опыт. Спасибо, хоть не мешали «стену» охранять.

Под низким потолком горела лампа, плавал сигаретный дым, в соседнем помещении тархтел движок. На полу сидели те, кто не хотел воевать, некоторые были в прострации – подходи режь, не шелохнётся. Их, как и «диких гусей», было немного: шоферы, следаки и десятка два из ДПС. Все они глядели в рот своему начальству и власть Севостьянихина не признавали. Бывалые вояки говорили, что такого не было ни в первую, ни во вторую чеченские войны. Люди тогда совесть имели, а если договаривались с боевиками, то «со смыслом», «по малому вреду» – никто ведь не хотел умирать, да и страна одна была. Попробуй при Владимире Трофимове посамовольничай, подумал Игорь, сразу вылетишь на гражданку и попадёшь под суд, а теперь всё дозволено, «новая свобода», мать её за ногу, демократия во всей её красе. Не армия, а цыганский табор.

– Чего молчишь, капитан, воды в рот набрал?! – спросил полковник Примогонов.

– А у нашего спецназовца поджилки трясутся, – поддакнул майор Доценко.

– Сам поднимешь задницу и сам доложишь, – огрызнулся Игорь, и прежде чем кто-то из «диких гусей» среагировал, смотался из подвала от греха подальше.

– Никуда они не денутся, – уверенно сказал майор Севостьянихин. – А уйдут, чёрт с ними. Баба с возу, кобыле легче. Ты вот что, усиль охрану гаража.

– Я туда Бургазова пошлю и парочку бойцов посообразительней.

– Пошли, пошли, – согласился Севостьянихин. – Да не парочку, а больше, потому что их попытаются взять на хапок.

– Так точно, – ответил Игорь, ожидая начала обстрела, если рыжий, конечно, не обманул.

В бинокль хорошо было видно, что горит район главпочтамта. Дым стлался по низинам, вдоль Теплосерной и по бульвару Гагарина, заволакивая подножие Машука, не давая боевикам вести прицельный огонь. Да и, похоже, боевой пыл у них угас. Наскоком взять не получилось, какую-нибудь гадость замыслили. Скорее всего, орудия установят на горе Казачка. Больше негде, только там склоны с обратным углом. Можно ещё, правда, на крышах общекурортного санатория. Но затащить на крышу – целая история, хотя с боевиков станется. Хитрые они. А если всё же на Казачке, то не эффективно: во-первых, далеко, а во-вторых, огонь придётся в торец гостиницы. Ну немного побегаем, легкомысленно решил Игорь, делов-то. Вот если танки приползут, тогда дело дрянь, потому что с автоматом против танка не повоюешь. Но танков, похоже, у моджахедов нет.

Он пошёл искать своих и нашёл их на пятом этаже в номере люкс. Сел под окном с таким расчётом, чтобы пуля ненароком не залетела в рот, и закрыл глаза.

Старлей Юра Драганов, который из принципа не носил шлем, а повязывал голову зелёной косынкой, чём-то неуловимо походил на актёра Краско. Даже щетина такая же и усы воинственные. Ну и голос, и манеры – медлительные, со значением. Если уж что-то скажет, то смысл тебе становился ясен через пару минут и отвечать поздно будет, потому что тема разговора уже сменилась. Так и ходишь с открытым ртом полдня, соображая, что хотел сказать Юра Драганов. «Тебе бы артистом стать, – говорили многие, – а не с автоматом за басмачами бегать». «А что, возьму и стану, – отвечал он всё так же со значением в голосе, которое всем нравилось. – Вот только навоююсь досыта. Какие наши годы?!»

Юра Драганов спал ничком. У него на шее была нанесена татуировка в виде штрих-кода, в котором значился личный номер, номер дома, квартиры и телефон. Он был фаталистом и верил, что после спецназа станет работать на «Мосфильме»: «Ну, если не артистом, то консультантом, они ж, поди, и в оружии, и в звёздочках не разбираются». Он открыл глаза, увидел пробирающегося Габелого и сказал назидательно – так, как умел только он один:

– Грязь не носи... – словно почивал на белоснежных простынях, а не валялся в грязном углу, подложив под себя подушки из кресел.

Мы всем нравимся, пока нас не узнают получше, решил Игорь. Одному Герману Орлову всё было нипочём: он храпел посреди комнаты на шикарной постели, положив рядом с собой автомат и раскинув руки и ноги. Его грязные ботинки покоились прямо на атласном покрывале, которое, правда, из розового давно превратилось в серое.

Игорь, казалось, только прислонил к стене голову и тут же уснул. Вернее, уснула только одна часть мозга, а другая слушала, что происходит вокруг и была настроена на тембр голоса командира, ждала его приказов. Приснилось ему, что пахнет молодой картошкой и солёными помидорами с укропом, как раз такими, какими угощала его Божена. Ему так захотелось есть, что он проснулся от голода. В желудке поселилась пустота, но голова была ясной, и можно было снова бежать воевать.

– Слышь... – приподнял голову Герман Орлов, – лезгинку танцуют.

Лезгинку Игорь не сразу услышал. Доносилась она издали, как шелест ветра. Сама по себе лезгинка была всего лишь мелодией, но моджахеды давно сделали её неофициальным символом исламского государства Имарат Кавказ, что для русского уха было оскорбительно,

потому что всё пришло оттуда – из одной большущей страны, и лезгинка по ту сторону «стены» воспринималась предательством.

– Ну, сейчас полезут, – ленивоотреагировал Лёва Аргаткин, который сидел в кресле, вытянув ноги в рваных носках. – Ура тараканам!

Эта поговорка прицепилась к нему с месяц назад, и он к месту и не к месту применял её. На него даже косились, как на сумасшедшего. Но Лёва чувствовал себя вполне адекватным и на грубые шутки в свой адрес не обращал внимания, потому что знал, что у каждого в голове сидят свои тараканы, только не каждый об этом заявляет, смелости не хватает, наверное, а я смелый, думал он, и в бою был безрассуден.

Здоровенные армейские ботинки аккуратно стояли рядом. Лёва Аргаткин тёр раненый глаз. Его автомат, «бронник» и «разгрузка» валялись на полу в хлопьях тополиного пуха.

– Ага... – иронично прокомментировал Юра, – полезут, встретим. – И хмыкнул так, как только он один умел хмыкать – со значением, которое придавало ему уверенности в жизни. После его хмыканья почему-то хотелось думать, что всё обойдётся, как обходилось до сих пор.

За одно это можно было любить Юру Драганова, хотя некоторые и считали его чуть-чуть баламутом, как бродячего пса, чуть-чуть несерьёзным, в смысле большим пофигистом, а не будущим актером, в меру добродушным, не злым, но и не добрым, как Германа Орлова, который и человека-то ни за что ни про что ударить не мог, вот если его только разозлить. Но злить Германа Орлова почему-то никто не решался.

Юра Драганов просто спасался таким образом от мира. Жены у него было две, и обе богатые, и обе в Москве, но друг о друге, разумеется, даже не подозревали. Так что здесь, на Кавказе, он мог себе позволить расслабиться «по жизни». Когда у него спрашивали насчёт жен, он с ухмылкой отвечал: «Уметь надо...» – но особенно на эту тему не распространялся. А когда спрашивали, зачем воюет, если есть деньги, то говорил так: «Никто, кроме нас, даже за деньги. А в Москве что?..» Все знали, но всё равно ждали, что он скажет: «В Москве-то дюже скучно». И в этой игре слов были своя правда и своя логика, и презрение к сытой и чистой столице: чуть-чуть высокопарная, чуть-чуть наивная, но логика от народа, которому всё страшно надоело, но деваться некуда, как с подводной лодки, а надо упереться рогом и стоять, а если надо, помереть. «А что ещё делать? – с непонятным значением добавлял Юра Драганов. – Водку, что ли, жрать, так это дело нехитрое, у нас в стране каждый четвёртый это регулярно делает».

На этой стороне «стены» лезгинка, которая звучала в каждом втором доме, ассоциировалась с бородатыми нематыми рожами моджахедов, а там, где эта музыка – там обязательно крики, стрельба и поножовщина. Кавказские традиции гостеприимства давно канули в Лету. Те местные, у которых были деньги, разбежались кто куда, а те, кто остался из-за нищеты или каким-либо другим причинам, так или иначе были связаны с моджахедами. Да и пропаганда из-за «стены» возымела свои результаты. «Мы живём лучше, чем вы! – зывали оттуда. – Боритесь за новое исламское государство, и вы будете жить точно так же!» Так что Игорь давно не питал иллюзий в отношении местного населения, которое давно перестало быть «своим». Русских же на Кавказе вырезали ещё в первую чеченскую войну, поэтому властям опереться было не на кого и они проигрывали во всех отношениях.

Затем действительно ударила артиллерия, только не настоящая, которую все ожидали, а всего-навсего СПГ-9⁹, и можно было спокойно спать дальше, потому что это были почти такие же гранаты, которые использовались в РПГ-7. Боевики выпустили десятка два из них. Единственно, чего добились – подожгли верхние этажи с торца. Гостиница, которая была построена ещё в СССР, не то чтобы выстояла, она даже не шелохнулась. Затем начался уже привычный обстрел из стрелкового оружия. Но и он потихоньку сошёл на нет, спорадически разгораясь то

---

⁹ СПГ-9 – станковый противотанковый гранатомёт.

на одном фланге, то на другом, словно боевики поняли бесперспективность своих усилий. Но, разумеется, это только так казалось. По опыту Игорь знал, что просто так они не уйдут, что рано или поздно их придётся выкуривать из каждой щели. Хотя, разумеется, группа из опытных бойцов могла потрепать нервы: планомерно обстрелять из гранатомётов первые два этажа, приблизиться, забросать гранатами и ворваться внутрь. Но делать это, по всей вероятности, моджахеды не умели, а может, не хотели умирать и шли, чтобы только пограбить, побузить. А может, впереди была Москва? Кто его знает?

– Как ты думаешь, сколько мы их уложили? – громче обычного спросил Герман Орлов.

– Сотни две точно, – уверенно сказал Лёва Аргаткин, шнуруя ботинки.

– Ха! – иронично воскликнул Юра Драганов и снова уснул.

Игорь подумал, что он лично убил троих. Это те, которые упали и не поднялись. Первого завалил в самом начале боя, когда боевики пёрли дуром прямо через площадь Козлова. Бежавшего впереди всех, здорового, с бородой до пупа, он снял с шестого этажа и потом ради интереса, даже когда уже бегал вверх-вниз, нет-нет да и поглядывал в окна – боевика никто не утащил, потому что площадь простреливалась с нескольких точек; второго – того, который был обкуранный и внаглую вымелся прямо перед гостиницей; третьего же – абсолютно случайно, когда духи пошли в атаку и уже закидывали гранатами подвал, а Игорь как раз сидел в нём, и боевики оказались точно на линии флангового огня, так что в самого крайнего он приложился весьма конкретно, почти в упор. И хотя боевик был в бронежилете, от него во все стороны полетели клочья – вот что значит тяжёлая пуля калибра семь целых и шестьдесят две сотых миллиметра. Может, Игорь зацепил ещё кого-то, но не был в этом уверен, потому что атака захлебнулась и боевиков как корова языком слизнула. Сидеть в подвале, когда тебя обнаружили, было глупо, поэтому Игорь сменил позицию. Потом на этом месте убили старшего сержанта из Вологды, выстрелили туда из гранатомёта – видать, специально караулили.

– Выдохлись?! – крикнул Герман Орлов, которого контузило ещё утром, и поэтому он разговаривал громче обычного.

– Ага... – лениво прокомментировал Юра Драганов.

– Похоже, – согласился Игорь, выглядывая из окна.

Рядом тотчас щелкнула пуля, и он присел. На крыше телестудии и универмага валялось с десяток трупов боевиков. Утром они борзо лезли, а потом, когда их перебили, как котят, ушли за верхний рынок и где-то там среди многочисленных палаток установили крупнокалиберный пулемёт, который здорово надоедал, и хотя огонь его был не очень эффективен из-за неверной позиции, при перемещении внутри гостиницы и выборе точки обстрела его приходилось учитывать, чтобы случайно не попасть под его очередь.

«Должно быть, сообразили, что нас на хапок не взять», – думал Игорь. Он стрелял из ПКМа¹⁰ и после каждой второй-третьей ленты менял позицию. За ним уже начали охотиться: пули щелкали всё ближе и ближе, и он понимал, что надо прекращать это занятие, что рано или поздно подстрелят, но им овладел азарт, и он чувствовал, что у него получается. Получается вовремя перебежать к другому окну и подловить духов на движении, и если не убить и не ранить, то напугать. А потом, когда в него всё же попали, рухнул на колени и сказал сам себе: «Всё, хватит воевать!» Ранение было пустяковое, и он даже не стал перевязываться, только промокнул кровь бинтом несколько раз и услышал, как Герман Орлов ругается на третьем или четвертом этаже.

– Старый же, как говно мамонта, а туда же! Командир!

И пошёл посмотреть, что происходит. Рана на щеке принялась зверски печь, словно к лицу приложили раскалённый прут.

– Чего-о-о?... – отозвался Севостьянихин.

---

¹⁰ ПКМ – пулемёт Калашникова модернизированный.

– Андрей Павлович! – вопил Герман Орлов где-то на лестнице. – Ёпст!

– Ну-у-у?.. – майор Севостьянихин высунулся в коридор. Связи не было, и Севостьянихин тоже бегал по этажам и стрелял. – Капитан, тебя ранило, – сказал он Игорю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.